

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ И КОЛЛЕКЦИИ В ПОИСКАХ СТУЛЬЕВ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ БЫВШИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

— Я хотел бы, — с невыразимой сыновней любезностью закончил Остап, — найти что-нибудь из мебели папаши, чтобы сохранить о нем память. Не знаете ли вы, кому передана мебель из папашиного дома?

И. Ильф и Е. Петров. «Двенадцать стульев»

Среди монгольских коллекций Музея антропологии и этнографии выделяется коллекция № 2951, поступившая в МАЭ в 1920–1921 гг.⁵¹, зарегистрированная Г.О. Монзелером⁵² 15 июля 1924 г. (Опись коллекции № 2951: 1). При работе с этой «монгольской» коллекцией стало очевидно, что в ее состав входят японские, индийские и китайские экспонаты и среди них нет ни одного монгольского предмета⁵³.

Такое несоответствие описи и действительности уже привлекает внимание, но более того, в это собрание входит очень редко-бронзовое изображение Амитаюса⁵⁴, которое может быть отнесено к сино-тибетскому искусству и датировано периодом Сюаньдэ (1426–1435)⁵⁵ (рис. 1).

⁵¹ Именно такая двойная дата указана на титульном листе описи (Опись коллекции №2951.Титульный лист).

⁵² Г.О. Монзелер (1900–1959) — японист и китаист. В 1924–1931 гг. был заведующим отделом культуры стран Азии МАЭ. В 1934 г. работал в экспедиции на Кольском полуострове. См.: [Кисляков 2009: 236].

⁵³ Любопытно, изначально (согласно Книге поступлений) коллекция была записана как китайская (что тоже не совсем верно, но ближе к истине), а позднее, уже в 1924 г., определена как монгольская.

⁵⁴ Форма Будды Амитабхи.

⁵⁵ Этой скульптуре был посвящен наш доклад на Радловских чтениях в 2009 г. [Иванов 2009: 214–215].

Целью дальнейшего исследования было определение имени собирателя. Учитывая, что предмет поступил в музей в 1920 или в 1921 г., когда в стране еще шла Гражданская война, и явно был экспроприрован из частного собрания, казалось, что разобраться и установить личность дореволюционного владельца будет невозможно, однако кое-что выяснить удалось. Это небольшое музейно-архивное расследование послужило поводом для дальнейшего поиска и выяснения судьбы других «музфондовских» экспонатов в азиатских (и не только) коллекциях Музея антропологии и этнографии.

В ЦГАЛИи в архиве ГЭ хранятся документы Музейного фонда, а на некоторых экспонатах сохранились этикетки этой организации. Причем можно выделить несколько типов этикеток, которые соответствуют разным периодам существования Музейного фонда. Некоторые из них содержат только название организации «Инв.Худ.Ком.» или «Музейный фонд» и номер предмета, другие — дополнительную информацию, которая может включать даже адрес. В ЦГАЛИ СПб хранится Инвентарная книга художественных предметов Музейного фонда, датированная 1928 г., однако, как нам удалось выяснить, в эту книгу были включены все предметы, которые когда-либо проходили через эту организацию начиная с 1917 г.⁵⁶ Помогли нам в этом 18 фарфоровых декоративных изразцов из японской коллекции № 2932, хранящиеся в настоящее время в Особой кладовой МАЭ (рис. 2). На этих изразцах, опубликованных А.Ю. Сеницыным и датированных им периодом Мэйдзи (1868–1912) изображены знаменитые самураи [Сеницын 2009: 68–104]. А.Ю. Сеницын отмечает, что на некоторых изразцах присутствуют номера, отличные от номеров МАЭ, которые он справедливо считает номерами Музейного фонда [Сеницын 2009: 69]. Так, на фарфоровой пластине № 2932-20 имеется этикетка «Инв. Худ. Ком. № 197» (рис. 3). В Инвентарной книге, хранящейся в ЦГАЛИ

⁵⁶ Появление этого компилятивного общего списка в 1928 г. видимо, связано с работой по ликвидации ГМФ.

СПб под № 197, значатся 18 изразцов японских, расписанных изображением борющихся воинов и конфискованных в 1918 г. из дворца великой княгини Ксении Александровны [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446. Л. 32]. Необходимо отметить, что совпадают также размеры пластин из Особой кладовой МАЭ с размерами из Инвентарной книги (21,5×21,5 см). В архиве Государственного Эрмитажа также хранится часть материалов Музейного фонда, в том числе и «Опись различным музейным предметам». Согласно этому документу 18 изразцов японских под № 197 были переданы в Этнографический отдел Академии наук [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84. Л. 10].

Есть две этикетки с надписью «Инв.Худ.Ком. № 323 а,в» и на двух японских подсвечниках из якобы монгольской коллекции № 2951. В Инвентарной книге под № 323 числятся две японские декоративные башенки из темной бронзы. Размер: 21×8 см, изъяты из дворца вел.кн. Ксении Александровны 18 ноября 1918 г. [ЦГАЛИ. Ф. 36.Оп. 1. Д. 446. Л. 78]. Учитывая, что наши подсвечники имеют форму ступы-пагоды, которая напоминает башенку, мы имеем полное совпадение описания, материала и размеров (рис. 4). В 1922 г. эти «башенки-подсвечники» числились в списках Музейного фонда переданными в Этнографический отдел Академии наук [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 10].

Сравнив Инвентарную книгу Музейного фонда [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446]; **опись и переписку о поступлении художественных предметов из дворца Ксении Александровны и Александра Михайловича в Художественную комиссию** [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 547]; **списки музейного фонда, в которых указаны места назначения экспонатов** [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 79, 82, 84]; Опись коллекции № 2951 МАЭ и сами предметы, мы составили следующую таблицу. Необходимо отметить, что Опись дворца Ксении Александровны [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 547] явно неполная, в инвентарной книге [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446] гораздо большее число предметов отмечены как поступившие из этого дворца.

№ и описание предмета по инв. Книге Муз.фонда	Опись дворца Ксении Александровны и Александра Михайловича	Описи муз.фонда с указанием передачи в Этнограф.отдел АН	Название и № предмета по Описи коллекции № 2951 МАЭ РАН	Экспонаты
№ 337. Будда. Камень. Стиль индийский. 16,5×8. На голове широкое украшение вроде веера		Инв.№ 337. Будда. Камень	2951-1. Будда из мрамора	Тиргханкара
№ 339 Будда. Стиль индийский. 19×10 (?). Сидящий Будда из черного камня.	Истукан мраморный индийский. № муз. фонда 339	Инв. № 339 Будда. Камень	2951-2. Будда из камня	Тиргханкара (рис. 5)
№216 Будда. Бронза. 31×20 см	Буддийская скульптура металлическая. № муз.фонда 216	Инв. № 216. Будда. Стиль индийский. Темная бронза	2951-3. Бронзовая фигура Будды Амитабхи на алмазном престоле	Амитаюс
№ 324. Будда на фантастическом звере. Темная бронза. 23×18	Фигура кит.бронзовая «Бог». № муз.фонда 324	Инв. №324. Будда на фантастическом звере	2951-4 а.в.с. Бронзовая статуэтка трехликого и шестирюкого бога. Фигура сидит боком на льве	Одна из гневных форм Падмасамбхавы

№ и описание предмета по инв. Книге Муз.фонда	Опись дворца Ксении Александровны и Александра Михайловича	Описи муз.фонда с указанием передачи в Этнограф.отдел АН	Название и № предмета по Описи коллекции № 2951 МАЭ РАН	Экспонаты
№323. Две японские башенки декоративные. Темная бронза. 21×8		Инв.№ 323а,в. Две яп. башенки декоративные. Темная бронза	2951-5/2. Два одинаковых бронзовых подсвечника	Подсвечники
№ 225. Будда. Камень. 38×26	Истукан мраморный буддийский. № муз. фонда 225	Инв. № 225. Будда, стиль индийский. Камень	2951-6. Мраморная фигура Будды	Тиртханкара
№ 463. Будда. Глиняный рельеф. 14×10		Инв. № 463. Будда, стиль индийский. Терракота	2951-7. Барельеф Будды. Терракота	Будда Шакьямуни (рис. 6)

В первоначальной описи, составленной в 1924 г., Г.О. Монзелером упоминается еще один предмет под № 2951-8, Амитабха. Этот экспонат был пропущен при перерегистрации описи в 1982 г. (!), однако он имеется в наличии — это бронзовая скульптура Амитаюса.

Из архива Эрмитажа следует, что в Этнографический отдел Академии наук было передано также несколько японских книг с иллюстрациями из того же дворца, однако ни в одной из коллекций, поступивших в МАЭ из Музейного фонда, этих книг нет. Найти одну из книжек помогла этикетка «Инв.Худ.Ком. № 290». Снизу другими чернилами приписан еще один номер «Г-13-4» (рис. 7). Эта богато иллюстрированная книга в настоящее время зарегистрирована под № 6132-8, а коллекция № 6132 была передана в фонды в 1951 г. из библиотеки Института этнографии АН в Ленинграде (Опись коллекции № 6132, титульный лист). На одной из страниц книги сохранился овальный штамп. К сожалению, надпись на штампе практически не читается, однако, как нам известно, подобные овальные штампы использовались в Библиотеке Академии наук. Скорее всего, дописанный номер «Г-13-4» является старым библиотечным шифром.

По всей видимости, получив предметы из Музейного фонда, в Академии наук вещи сразу передали на хранение в фонды Музея антропологии и этнографии, а книги поступили в библиотеку, из которой одна из них попала в музей только в 1951 г. Книга озаглавлена *Dainihonbussanzue* («Иллюстрированный каталог продукции, выпускаемой в Великой Японии»), датирована 1877 г. и содержит цикл работ известного японского художника Утагава Хиросигэ III⁵⁷ [Ivanov 2011:30] (рис. 8).

Также в документах отмечено, что в Этнографический отдел Академии наук было передано девять пар японских туфель под

⁵⁷ Мы искренне благодарны Сергею Буланцеву (СПбГУ) за помощь в атрибуции предмета.

номера 666 I—X⁵⁸, а также колокол «стиль яп.» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 84. Л. 18; Ф. 4. Оп. 1. Д. 79. Л. 8]. 18 ноября 1918 г. из дворца великой княгини Ксении Александровны были изъяты две пары японских туфель и одна пара носков, получившие номера 666 I – X/2 [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 446. Л. 699]. Здесь наблюдается явное расхождение документов из разных архивов. Согласно первому было девять пар туфель, по второму — две пары, а по номерам их должно быть десять пар.

Нам удалось найти в МАЭ три пары туфель (две из них имеют сохранившиеся этикетки «666.VIII.» (рис. 9) и «666.IX», у третьей пары этикетка утрачена, но сохранился след от нее) в составе китайской коллекции № 2950.

В документах Музейного фонда эта обувь обозначена как японская, в нашем музее была описана как китайская, а по убедительному мнению корееведа Д.А. Самсонова она является корейской.

Все эти вещи до революции хранились во дворце великой княгини Ксении Александровны (1875–1960). Возникает закономерный вопрос о том, как эти предметы могли у нее оказаться.

Чтобы это понять, необходимо обратиться к событиям, предшествовавшим революции, и к личности ее мужа, великого князя Александра Михайловича (1866–1933), известного также как князь Сандро. Их роман начался, когда Ксении не было еще 12 лет, а Сандро был 20-летним морским офицером. Она была дочерью императора Александра III и родной сестрой цесаревича Николая, он — внуком Николая I, сыномнаместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича и двоюродным дядей

⁵⁸ Судя по нашим наблюдениям, Художественно-исторической комиссией велась порядковая нумерация. Каждый поступавший предмет получал порядковый номер, который становился и его инвентарным номером. Эти номера записывались арабскими цифрами. Парные предметы получали один номер с дополнительным буквенным обозначением — а, б. Если предметы составляли серию, то вся серия получала один номер, а каждый предмет внутри серии получал свой номер, который записывался римской цифрой.

будущей жены. Их брак, последовавший в 1894 г., разрушит традицию, согласно которой дочери императора выдавались замуж за европейских принцев, но этому событию предшествовали длительные плаванья жениха.

Путешествия великого князя

Товарищ я вахты не в силах стоять, —
сказал кочегар кочегару, —
Огни в моих топках совсем не горят,
В котлах не сдержать мне уж пару.

«Раскинулось море широко»

Князь Сандро был, на наш взгляд, личностью своеобразной и несколько даже авантюрной. В нем уживались потуги политического деятеля с увлечением восточными религиями и мистикой, а также с любовью к морской романтике, заставившей его избрать карьеру морского офицера. Высокого красавца брюнета (так его описывают практически все знавшие его) влекли дальние страны. Военно-морская служба прекрасно для этого подходила. В 1886 г. он был приведен к присяге [Лебедев 2011: 230] и в этом же году на корвете «Рында» отправился в кругосветное плавание, во время которого смог побывать в Бразилии, Сингапуре, Гонконге, Японии, Индии, на Цейлоне, Филиппинах и Молуккских острова.

Несмотря на то что Александр Михайлович находился еще только в чине мичмана, он, безусловно, как член императорской фамилии, занимал особое положение на корабле. По всей видимости, на «Рынде» находился даже его личный хор. По крайней мере в официальном описании заграничного плавания сказано: «Вследствие болезни музыканта Омельченко, хора Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича, уход корвета отложен был на одни сутки» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 18]. Свой особый статус отмечал и сам молодой мичман.

«Пока же я всего только мичман. То, что я великий князь и двоюродный брат Государя, ставит меня в особое положение и может вызвать неприязнь моего начальника. На борту корабля — он мой неограниченный начальник, но на суше он должен становиться предо мною во фронт.

Две очень элегантные дамы в одном американском баре в Париже были поражены, когда увидели, как русский «командан»⁵⁹, внушавший им страх, вскочил при появлении в зале молодого человека без всяких отличий. Мне достаточно было намека, чтобы все общество подсело бы к моему столу. Но я не пошевелился» [Романов 1991: 79].

Однако для нижних чинов плавание было далеко не столь комфортно. Командир корабля в отчете о плавании указал, что во время перехода от островов Самоа до Нагасаки машинная команда сильно страдала из-за высоких температур в котельных отделениях до 50–52°R; у матросов были «случаи истощения, обессиливания с судорогами конечностей и рвотой, но все они кончались скоро и без последствий» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 51 об.].

Несмотря на отсутствие «последствий», в день прихода на Нагасакский рейд заболел исполняющий должность котельного унтер-офицера, котельщик 1 статьи Роберт Браун, с судорогами конечностей, рвотой и потерей сознания. 20 мая он умер от кровоизлияния в мозг и был захоронен на русском кладбище за деревней «Иноса» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 51 об. — 52]. Позднее в Аденском заливе заболел котельщик 2 статьи Карл Пульдас. «У Пульдаса появился упадок деятельности сердца, остановка пульса и сильнейшие судороги конечностей» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 65 об.]. Пульдас скончался и был погребен в Адене на

⁵⁹ Командиром крейсера «Рында» в это время был Федор Карлович Авелан (1839–1916). На следующий год после возвращения из кругосветного плавания был произведен в контр-адмиралы, в 1896 г. в вице-адмиралы, в 1903–1905 гг. занимал пост морского министра.

общем европейском кладбище. Капитан корабля обратился к местному врачу с просьбой об освидетельствовании тела покойного, но тот отказался, сказав, что «кочегары с пароходов гибнут от HeatApoplexie постоянно и поэтому аденский госпиталь всегда держит готовым несколько гробов» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 66 об.]. Кажется удивительным, но, описывая гибель Пульдаса, командир корвета спокойно отмечает: «Случаи подобного заболевания наблюдались на корвете и раньше в жарком климате и почти всегда при условии слабой тяги в кочегарных, но больные быстро поправлялись, без всяких вредных последствий для здоровья» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 66].

Эти зловещие предзнаменования команды не нашли никакого отражения в мемуарах великого князя, хотя о смертельных случаях он не мог не знать.

Александр Михайлович в это время знакомился с поразившим его Востоком и ужасался цинизму и равнодушию британских колониалистов: «Сингапур. Я желал бы, чтобы какая-нибудь пресыщенная леди, пьющая чай на террасе своего красивого имения в Англии и жалующаяся на вечное отсутствие мужа, находящегося на востоке, имела бы возможность осмотреть Сингапур и видеть процесс добывания денег, на которые покупаются ее драгоценности, туалеты и виллы. Бедный Фрэдди. Он все время очень много работает. Я не знаю в точности, что он делает, но это имеет какое-то отношение к этим забавным китайцам в Сингапуре!» [Романов 1991: 83]. Далее в мемуарах князя следует сравнение китайского квартала с курильнями опиума, нищетой и развратом с благополучным, ухоженным британским клубом. «Еще одна неделя в Сингапуре, и я бы опасно заболел. Я благословлял небо, когда каблограмма Морского Министерства предписала нам отправиться немедленно в Гонг-Конг» [Романов 1991: 83].

Не менее британский и китайский Гонконг не вызвал у молодого офицера такого отталкивающего чувства, возможно благодаря компании юной американки из Сан-Франциско, с которой он потом еще переписывался в течение года. Но главное любовное «приключение» ждало его в Нагасаки.

Учитывая большое количество именно японских предметов, изъятых из его дворца, мы остановимся на этой истории подробнее. В то время у русских моряков был известный обычай заводить себе японских «временных жен» — *мусумэ*. Не устоял и Александр Михайлович. В деревне Иносса близ Нагасаки, на кладбище этой самой деревни похоронили кочегара Брауна, находился известный русский ресторан для офицеров — с борщом, водкой, икрой и осетриной. Хозяйка заведения по совместительству играла роль сводни, по мнению великого князя, совершенно бескорыстно — «За эту услугу она не требовала никакого вознаграждения, делая это по доброте сердца. Она полагала, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы мы привезли в Россию добрые воспоминания о японском гостеприимстве» [Романов 1991: 87]. Стараниями этой сердобольной женщины Александр Михайлович обзавелся собственной *мусумэ*, миниатюрной, веселой и услужливой.

Он настолько увлекся Японией, что решил выучить японский язык под руководством своей «жены». С этим связан самый курьезный случай за все его путешествие. Он был приглашен с официальным визитом к японскому императорскому двору и решил, что лучший способ произвести там впечатление — это заговорить по-японски. Проблема заключалась в том, что его японский был... весьма *специфическим* и сильно отличался от языка принятого при дворе⁶⁰. Возможно для обучения японскому языку им

⁶⁰ Во время торжественного обеда Александр Михайлович решил заговорить с императрицей по-японски, что произошло затем, он прекрасно описывает сам: «Я сидел по правую руку от Императрицы. Выждав немного, набрался храбрости, улыбнулся очень любезно и заговорил с ней по-японски. Сперва она выглядела чрезвычайно удивленной. Я повторил мою фразу. Она вдруг рассмеялась.

Тогда я счел наиболее уместным выразить ей по-японски мое восхищение по поводу достигнутых Японией успехов. Это представляло большие трудности, так как я должен был вспомнить многие выражения, употребляемые в подобных случаях моими друзьями в Ионасса.

Императрица издала странный, горловой звук. Она перестала есть и закусила нижнюю губу. Ее плечи затряслись, и она начала истерически

были приобретены и книги, одна из которых упоминалась выше. В любом случае, вне зависимости от цели, купить он их мог только в то время.

Следующее событие в путешествии, представляющее интерес, произошло уже в Лондоне, где он познакомился с ворчливым и сильно пьющим американским миллионером, живущим безвылазно на собственной яхте «Леди Торффрида». Великому князю приглянулось это прогулочное судно, и он, прибегнув к двум верным помощникам любого торговца — лести и выпивке, уговорил упрямого американца продать ему «Леди Торффриду» с условием, что он переименует ее [Романов 1991: 96–97]. Так великий князь оказался обладателем яхты «Тамара».

Командир «Рынды» записал: «В 3 ч. Дня, проходя Дувр, к Корвету присоединилась для совместного плавания в Кронштадт вновь приобретенная Его Императорским Высочеством Великим Князем Александром Михайловичем паровая яхта «Тамара» и вступила Корвету в кильватер» [РГА ВМФ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 2. Л. 77 — 77 об.].

Правда, в своих воспоминаниях великий князь предпочел написать, что ожидал прибытия «Тамары» в Петербурге [Романов 1991: 99].

смяться. Японский принц, сидевший слева от нее и слышавший наш разговор, опустил в смущении голову. Крупные слезы катились по его щекам. В следующий момент весь стол кричал и смеялся. Я очень удивился этой веселости, так как в том, что я сказал, не было и тени юмористики. Когда смех немного улегся, императрица подала знак принцу, и он обратился ко мне по-английски:

— Позвольте узнать, где Ваше Императорское Высочество изволили научиться японскому языку? — вежливо спросил он с глазами, полными слез.

— А что? Разве я говорю плохо?

— Совсем нет! Вы замечательно говорите, но видите ли, вы употребляете особый местный диалект, который... Как бы вам это объяснить?.. Можно узнать, как долго вы уже находитесь в Нагасаки и не проживали ли вы в округе Ионассы?» [Романов 1991: 91].

Книга воспоминаний Александра Михайловича — это особый жанр: смесь анекдотов с «философскими» рассуждениями о жизни, политике, религии, проникнутыми горечью воспоминаний о прекрасной дореволюционной поре. В ней не нашлось места ни гибели кочегаров, ни обстоятельствам приобретения вещей, ни описанию посещения им центрального Китая и Пекина, а также Кореи в 1888 г., где он встречался с правителем этой страны ваном Коджоном. Это был первый визит члена российской императорской фамилии в Корею после подписания Правил о сухопутной торговле. Во время аудиенции во дворце произошел неслыханный для восточного этикета случай: корейский правитель пожал великому князю руку [Пак 2004: 15]. Факт рукопожатия имел колоссальное символическое значение и был проявлением высочайшего доверия. Никогда ранее корейский монарх не пожимал никому руки [Пак 2004: 16]. Узнать об этом можно из книги Б.Б. Пака, посвященной отношениям России и Кореи, но не из мемуаров князя.

Именно в ходе этого важного в политическом отношении визита, видимо, и была приобретена великим князем корейская обувь, хранящаяся в настоящее время в Музее антропологии и этнографии (рис. 10).

В 1889 г. «Рында» вернулась в Петербург, а уже в 1890–1891 гг. Александр Михайлович совместно со своим братом великим князем Сергеем Михайловичем совершил плавание на яхте «Тамара» в Индию. В этой «экспедиции» их сопровождал знаменитый географ, натуралист, член-корреспондент Петербургской Академии наук Г.И. Радде⁶¹, написавший воспоминания «23 000 миль на яхте Тамара» [Радде 1892, 1893]. Благодаря книге

⁶¹ Густав Иванович Радде (1831–1903) — обладатель Золотой Константиновской медали, золотой медали королевы Виктории Королевского географического общества, Демидовской премии. Принимал участие в многочисленных экспедициях по Сибири, Кавказу, Персии, Турции. Его именем названо село Радде в Облученском районе Еврейской автономной области, а также множество видов животных и растений.

Радде мы знаем о встречах князей с местными правителями и о некоторых дарах, ими полученных.

Помимо Индии они побывали на Яве, где осмотрели Боробудур, а также посетили местного султана, одарившего их надушенными мускусом «пахитос», двумя кинжалами, украшенными алмазами, и отличной тканью на саронги [Радде 1892: 129]. Потом в Джохорском султанате, где они были приняты сыном и племянником султана, поскольку сам султан был болен [Радде 1892: 171], и в столь ненавистном Александру Михайловичу Сингапуре, который очень понравился ученому, оставившему об этом городе поэтические строки в своей книге: «Вечером город еще лучше, чем днем. Бесчисленные огоньки фонарей, особенно на восточном берегу, на каботажных и рыболовных судах отражаются в спокойном заливе. Стоит только набежать ветерку и подернуть легкую рябью морскую гладь, как замелькают, запрыгают светящиеся точки, а запад еще горит в этот час багрянцем. Собравшиеся там тучи прорезываются молниями» [Радде 1892: 171]. Большое впечатление на Радде произвели прекрасные сингапурские дороги и ботанический сад [Радде 1892: 92–94]. Так совершенно по-разному увидели одно и то же место великий князь и ученый.

В результате этих путешествий на корвете «Рында» и яхте «Тамара» оружейная коллекция Александра Михайловича пополнилась многими экземплярами. В Описи старинного восточного оружия из его дворца, составленной при изъятии этих предметов после революции, числятся 13 ножей малайских, сабля малайская, 5 кинжалов-крисов, топор с Филиппинских островов, 3 малайских копья, нож жертвенный из Непала в черных кожаных ножнах [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 547. Л. 68–70]. Радде пишет, что в монастыре Дарджилинг в Сиккиме недалеко от непальской границы великий князь купил кривой нож [Радде 1893: 108].

В 1893 г. Александр Михайлович совершил новое путешествие на крейсере «Дмитрий Донской», на этот раз к берегам Северной Америки.

По возвращении из Соединенных Штатов он женился на великой княжне Ксении Александровне. Свадьба состоялась

25 июля 1894 г. в Петергофе, по этому поводу Александр III подарил новобрачным дворец⁶² в Петербурге на набережной реки Мойки прямо напротив арки Новой Голландии (рис. 11).

Молодожены заказали новую отделку интерьеров инженеру Н.И. де Рошефору⁶³. По его эскизам была также изготовлена ограда с воротами, декорированным инициалами княгини «КА» (рис. 12). Постройка домово́й церкви преп. Ксении Римлянки и благ. вел. кн. Александра Невского была поручена архитектору Н.В. Султанову⁶⁴.

В этом дворце, за которым закрепилось имя его супруги, расположились коллекции, привезенные великим князем из плаваний. В каких именно залах находились восточные раритеты, в настоящее время трудно сказать. Судя по спискам Музейного фонда, в которых японские и индийские вещи перечислены вперемешку с европейской мебелью и прочей утварью, они разместились в разных комнатах, формируя интерьер особняка в целом. Точно можно сказать только, что азиатское оружие хранилось в особой Оружейной комнате [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 547. Л. 68–70].

После завершения периода «больших плаваний» великий князь продолжал заниматься коллекционированием, но уже не восточных раритетов, а преимущественно античных монет, тра-

⁶² В настоящее время в нем находится Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта; наб. Мойки, 106. История дворца началась еще в начале XVIII в., когда Петр I подарил участок на Мойке Ивану Акимовичу Сенявину. Позднее усадьба несколько раз меняла владельцев, пока не была куплена в 1850 г. М.В. Воронцовой (урожденной Трубецкой). Новая хозяйка поручила перестройку дворца архитектору И.А. Монигетти, а в 1894 г., как раз в год свадьбы, продала здание удельному ведомству.

⁶³ Граф Николай Иванович де Рошефор (1846–1905), потомок выходцев из Франции, был инженером и архитектором.

⁶⁴ Николай Владимирович Султанов (1850–1908) — архитектор, реставратор, искусствовед, директор Института гражданских инженеров (1895–1903). Идеолог византийского стиля в архитектуре.

тя на это значительные суммы. Возможно, этому новому увлечению способствовала нумизматическая страсть его брата Георгия Михайловича, у которого он приобрел Босфорскую коллекцию за 50 000 рублей [РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 55. Л. 73]. На пополнение собрания монет Александра Михайловича работала целая сеть поставщиков, как в России, так и за границей. Иногда случались неизбежные в таких случаях казусы. 18 августа 1902 г. Русский консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев вернул великому князю 200 франков, истраченных на оказавшиеся фальшивыми монеты. В сопроводительном письме он объясняет, что не мог определить их подлинность: «В крупном городе можно справиться у знатоков. Здесь же таковых только два: дьякон Клеопа да Американский консул. Они оба нашли монеты настоящими» [РГИА. Ф. 521. Оп. 1. Д. 55. Л. 153 — 153 об.]. **В сохранившихся достаточно подробных описях приобретаемых им ювелирных изделий и произведений искусства никакие восточные предметы не упоминаются.**

Будучи очень деятельным человеком, князь Сандро принимал участие в самых разных предприятиях и начинаниях, многие из которых были связаны с Востоком. Он был активным участником так называемой «безобразовской клики»⁶⁵ и противником политики С.Ю. Витте. С 1902 по 1905 г. руководил специально для него созданным Главным управлением торгового мореплавания и портов.

Во время Русско-японской войны ему было поручено организовать так называемую «крейсерскую войну» (фактически каперскую). Им было закуплено четыре пассажирских парохода,

⁶⁵ «Безобразовская клика» — придворная группировка, названная по имени А.М. Безобразова (1855–1931), с 1903 г. статс-секретаря особого комитета по делам Дальнего Востока. Деятельность группировки была направлена на усиление политического и экономического присутствия России на Дальнем Востоке и во многом спровоцировала ухудшение отношений с Японией. После поражения в Русско-японской войне распалась.

которые оснастили вооружением и отправили «охотиться» за кораблями, везущими сырье и боеприпасы в Японию. Однако как только был захвачен караван из 12 судов, следовавших в японские порты, британское и германское правительства заявили о вопиющем факте пиратства. Захваченные корабли были отпущены, а «крейсерская война» на этом довольно бесславно завершилась [Романов 1991: 180–181].

Более плодотворной была деятельность великого князя как главы Особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования. В результате деятельности этого комитета, основанного в 1904 г., к началу Первой мировой войны было построено 23 боевых корабля [Лебедев 2011: 243]. После революции сотрудники Художественной комиссии, реквизируя имущество дворца Ксении Александровны, внесут в опись памятные доски о закладке военных кораблей [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 447. Л. 259–260]⁶⁶.

Пожалуй, самым успешным начинанием Александра Михайловича, в череде его многочисленных предприятий, была деятельность по организации отечественной авиации. По его инициативе был построен аэродром в Севастополе в 1908 г., а в 1910 г. создана офицерская школа авиации [Лебедев 2011: 244]. Согласно воспоминаниям князя, один из выпускников этой школы сыграет после революции решающую роль в судьбе сразу нескольких представителей Дома Романовых.

Во время Первой мировой войны он продолжил заниматься организацией военной авиации, а в 1916 г. стал полевым генералом-инспектором Военно-воздушного флота [Лебедев 2011: 244].

Интересы князя не ограничивались исключительно государственной деятельностью. Склонный к мистике и религиозным исканиям, он был членом масонских организаций, возглавлял тайное общество розенкрейцеров [Берберова 1997: 283] и увлекался спиритизмом. «Ему было явление духа сирийского провид-

⁶⁶ В 1921 г. Музейный фонд передал в Морской Музей 34 памятные доски о закладке кораблей.

ца Алкахеста, предсказавшего великому князю революцию и то, что он сядет на престол вместо Николая» [Берберова 1997: 27]. Предсказание сбылось лишь наполовину. Вот как развивались события после свершения первой части пророчества.

Александр Михайлович пишет, что после Февральской революции он с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, великой княгиней Ольгой Александровной и ее супругом Н.А. Куликовским⁶⁷ были высланы под конвоем матросов из Киева, где в это время находились, в Крым, в принадлежавшее ему имение Ай-Тодор [Романов 1991: 235–236]. Однако Ольга Александровна, продиктовавшая свои воспоминания Й. Ворресу, отмечает, что их отъезд из Киева был добровольным, а сопровождали их оставшиеся верными императору саперы, которых удалось привлечь на свою сторону Александру Михайловичу. Позднее в Крым приехала и Ксения Александровна с детьми [Воррес 2004: 167]. Столкнувшись в первый раз в жизни с финансовыми трудностям члены бывшей августейшей фамилии обратились за помощью в Совет народных комиссаров.

21 февраля 1918 г. газета «Знамя Труда» написала: «Председателю Совета Нар. Депутатов телеграфируют из Кореиза, что проживающая в имении Айтодор, вместе с дочерью Ксенией Александровной, вдовствующая б. императрица Мария Федоровна израсходовала все имеющиеся в ее распоряжении незначительные средства. Ввиду этого ее поверенные Шервашидзе и Долгорукый просят Председателя Совета Народных Комиссаров обеспечить дальнейшее ее существование.

Выдача пособий и пенсий из капиталов Романовых прекращается. Лица, из числа получающих эти пособия и пенсии, в том случае, если они имеют право на государственную помощь, будут удовлетворяться из кредитов Комиссариата Призрения» [Знамя. 1918. № 138: 6].

⁶⁷ Николай Александрович Куликовский (1881–1958) — второй муж великой княгини Ольги Александровны. Происходил из дворянской семьи, служил в лейб-гвардии Кирасирском полку.

В конце февраля 1918 г. все «крымские» Романовы (кроме Ольги Александровны, бывшей замужем за «простолудином») были переведены в Дюльбер⁶⁸. Это было вызвано разногласиями между Ялтинским и Севастопольским советами. Ялтинский совет настаивал на немедленном расстреле всех членов бывшей императорской семьи, Севастопольский, под арестом которого они находились, ждал указа из Петрограда. Командовал охраной представитель Севастопольского совета товарищ Задорожный — бывший курсант авиационной школы, основанной Александром Михайловичем [Романов 1991: 240]. Товарищ Задорожный, обаятельный убийца, по определению Ольги Александровны [Воррес 2004: 173], полагал, что с расстрелом следует все-таки повременить. В начале марта 1918 г. ситуация накалилась до предела. Одни большевики из Севастополя отбивали атаки на усадьбу других большевиков из Ялты! Неизвестно, чем бы это противостояние закончилось, если бы немецкие войска, оккупировавшие Крым, не освободили арестантов Дюльбера. И теперь уже Романовы просили немецких офицеров не расстреливать команду товарища Задорожного [Воррес 2004: 174, Романов 1991: 247].

В это время (16 марта 1918 г.) в Петрограде Балтийский комитет Всероссийского союза работников водного транспорта обратился в Художественную комиссию с просьбой предоставить ему для заседаний концертный зал во дворце Ксении Александровны, а все имеющиеся там ценные предметы перенести в другую комнату, которая была бы опечатана [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 81. Л. 105].

И в Петрограде, и за его пределами события продолжали развиваться стремительно. Немцы, пришедшие в Крым, проиграли Первую мировую войну и по условиям Компьенского перемирия, заключенного 11 ноября 1918 г., освободили полуостров. 24 нояб-

⁶⁸ Дюльбер — имение великого князя Петра Николаевича. Обнесенную высокой стеной усадьбу было легко оборонять, что и послужило причиной перевода в нее всех Романовых.

ря 1918 г. в Севастополь прибыл британский флот. 11 декабря 1918 г. Александр Михайлович, один, без семьи, на борту английского корабля «Форсайт» покинул Россию. Целью его поездки в Европу был доклад главам правительств Антанты о положении в России и об организации борьбы с большевизмом. Ксения Александровна с матерью и детьми осталась в Крыму и эмигрировала только в 1919 г.

В это самое время, крымских злоключений и бегства за границу, в 1918–1919 гг., в Петрограде сотрудники Художественной комиссии занимались описью и изъятием имущества дворца бывшей великой княгини Ксении Александровны и бывшего великого князя Александра Михайловича. В состав этого имущества входила и одна из самых больших и разнообразных коллекций восточных раритетов, которые представляли всю географию плаваний князя. Возможно, что собрание Александра Михайловича было самой большой частной коллекцией восточных памятников в России, после коллекций князя Эспера Эсперовича Ухтомского и Агафона Карловича Фаберже. Всего из дворца Ксении Александровны в 1918 г. было реквизировано 1500 различных раритетов, вывезенных в 68 ящиках [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397. Л. 4].

Жизнь бывших владельцев особняка на Мойке в эмиграции сложилась по-разному. Их брак, после отъезда из России, фактически распался. Александр Михайлович жил во Франции, в 1927 г. посетил Абиссинию (Эфиопию)⁶⁹, а в 1928 г. уехал в Аме-

⁶⁹ В интернете имеется очень любопытное интервью с Д.А. Румановым, сыном коллекционера и журналиста А.В. Руманова, который был другом Александра Михайловича [Интервью с Д.А. Румановым]. Согласно этому интервью, целью поездки А.М. Романова и А.В. Руманова в Абиссинию была передача императору Абиссинии некой грамоты «Ключи от Гроба Господня». Дарители не были бескорыстны и надеялись на богатые ответные дары. И они их получили — солью! Соль в Абиссинии стоила очень дорого, и это был истинно царский ответ императора, однако для Романова с Румановым это стало горьким разочарованием [Интервью с Д.А. Румановым 46]. В мемуарах А.М. Романова

рику, где выступал с лекциями, в которых излагал собственные религиозные взгляды и выступал с теорией спасения России оккультным путем [Мосолов 1992: 147]. На этих выступлениях присутствовало много слушателей, а особенно слушательниц [Мосолов 1992: 147]. Написал книгу воспоминаний, изданную сначала в Нью-Йорке, а позднее в Париже. В этой книге он пишет о своем постоянном желании перебраться на Восток, на «далекий остров где-нибудь на Тихом океане» [Романов 1991: 92], но так этого и не осуществил. Скончался во Франции в 1933 г. и погребен на Рокбрюнском кладбище.

Ксения Александровна жила сначала в Дании, а потом в Великобритании (в Виндзоре, позднее в Лондоне). Умерла в 1960 г. Ее прах, согласно завещанию, был перевезен во Францию и захоронен на Рокбрюнском кладбище вместе с мужем.

К.В.

Красный цвет не к лицу Вашему
Высочеству

М.В. Родзянко

В 1920–1921 годах в Музей антропологии и этнографии поступила также китайская коллекция № 2950, в которой наше внимание привлекла резная из дерева лягушка, с еще одной лягушкой (меньшего размера) на спине (рис. 13).

На основании скульптуры вырезана иероглифическая надпись, которая, согласно описи коллекции, была переведена И.В. Сусловой с китайского как «правильный, прямой», а аспи-

эта история отсутствует, он только упоминает о поездке в Абиссинию в 1927 г., однако в интернете же приводятся воспоминания другого русского эмигранта К.Д. Померанцева, который пишет, что также слышал этот рассказ от Руманова [Померанцев]. Не беремся утверждать подлинность события, но сама история интересна и, на наш взгляд, очень соответствует личности князя Сандро.

рантом Л.А. Тетеревым с японского как Масанао⁷⁰ (Опись коллекции № 2950: 5). На дне имеется также этикетка с надписью «Инв. Худ.Ком., № 2159., К.В. ул. Глинки, Ящ. № 132» (рис. 14).

Среди материалов Музейного фонда, находящихся в ЦГАЛИ СПб, имеется следующая пара документов, позволяющая «дешифровать» эту запись.

«Художественно-историческая комиссия
при Зимнем Дворце
17 июня 1918 г.
№ 154

Удостоверение

Комиссия сим удостоверяет, что ее сотруднику Федору Федоровичу Ноттгафту поручено перевезти предметы, имеющие художественно-историческое значение, из дворца б. Великого князя Кирилла Владимировича (ул. Глинки, 13) в Зимний дворец.

Председатель комиссии В. Верещагин.
Секретарь А. Труханов» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп.1. Д. 1а. Л. 53].

«Акт

17-го сего июня Художественно-историческую комиссию при Зимнем Дворце приняты привезенные в этот Дворец из дома №13 по ул. Глинки в Петрограде сотрудником комиссии Ф.Ф. Ноттгафтом предметы, представляющие художественную и историческую ценность, принадлежащие б. Великому князю Кириллу Владимировичу Романову и перечисленные в составленной прилагаемой при сем описи за

⁷⁰ По информации А.Ю. Сеницына, этим именем пользовалась целая династия резчиков из провинции Исэ (современная префектура Миэ), район Ямада. Основатель династии, Масанао I, работал в середине — второй половине XIX в. Школа Масанао специализировалась на изготовлении фигурок животных. Особенно популярны были фигурки черепах и жаб. Мы выражаем благодарность А.Ю. Сеницыну за предоставленную информацию.

исключением № 17 (желтой китайской вазы-керамика) и № 18 (старинной картины на дереве Мутиано).

Председатель комиссии В. Верещагин.

Секретарь А. Труханов» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 64].

Для нас важно, что в этом списке под № 29 числится «китайская деревянная группа две лягушки».

Становится понятно и содержание этикетки. К.В. — это великий князь Кирилл Владимирович, ул. Глинки — это адрес его дворца (ул. Глинки, 13), а далее номер ящика, в котором эти предметы были доставлены в Зимний Дворец, где располагались склады художественной комиссии. Во дворце находились и другие раритеты из Азии: № 34 **фарфоровый слон**, № 31 «**золоченая витрина** со 106 восточными предметами из камня, фаянса и дерева» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 8 об.]. К сожалению, по столь краткому описанию определить их местонахождение в настоящее время не представляется возможным.

Любопытно, что опись дворцового имущества производилась в присутствии «поверенного гражданина К.В. Романова — Всеволода Николаевича Боева» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1а. Л. 8].

Кирилл Владимирович, как Александр Михайлович, был морским офицером. В 1898 г. он поднял русский флаг над Порт-Артуром. Любопытно, что сам великий князь, а также командующий Тихоокеанской эскадрой в 1897–1898 гг. **адмирал Дубасов** были против размещения военно-морской базы именно в Порт-Артуре, считая это место совсем не пригодным для этих целей.

«Порт-Артур представлял собой скопление голых каменных сопков, и даже гавань образовывалась там лишь при сильном приливе. Это было самое мрачное и отталкивающее место из тех, что мне когда-либо приходилось видеть!» [Романов 1996: 107]. Однако российское командование настояло на создании морской базы именно здесь [Романов 1996: 108].

Из Порт-Артура Кирилл Владимирович отправился в Нагасаки — это было его первое плавание в Японию, которая очень понравилось молодому морскому офицеру. «Все в Нагасаки казалось мне маленьким, как в игрушечной стране, сошедшей со страниц волшебной сказки: маленькие люди, крохотные животные, низкие дома и храмы — и все исключительно изящное и опрятное» [Романов 1996: 109]. Это впечатление усиливалось сравнением с Владивостоком, который в это время был «лишь захудалой сторожевой заставой России на Тихоокеанском побережье» [Романов 1996: 110] с одним отелем в «стиле Дикого Запада» и в целом напоминал «Северную Канаду времен первых поселенцев» [Романов 1996: 111]. В конце XIX в. во Владивостоке проживали даже такие колоритные личности, как швед Линдхольм, про которого говорили, что он промышляет пиратством [Романов 1996: 112].

Его первое пребывание в Нагасаки, по всей видимости, не было длительным, однако второе посещение Японии состоялось в том же 1898 г., но это был уже официальный визит члена российского императорского дома к японскому двору. Во время этого визита император Муцухито⁷¹ вручил русскому великому князю награду императорской семьи — Орден Восходящего солнца и преподнес множество даров (вазы клуазоне, мечи, ширмы и много других ценных вещей), которые позднее хранились во дворце Кирилла Владимировича в Санкт-Петербурге⁷² [Романов 1996: 120]. Мы можем предположить, что наша деревянная скульптура также могла входить в состав императорских подарков.

После Токио представитель дома Романовых нанёс официальный визит в древнюю столицу Японии Киото и прогулялся по

⁷¹ Муцухито (годы правления 1868–1912) — император Японии. Известен также под именем Мэйдзи. При нем была свергнута власть сегуната Токугава и в Японии начались капиталистические преобразования и реформы.

⁷² Дворец Кирилла Владимировича располагался в начале XX в. в бывшем доме В.Я. Рагозы. Особняк В.Я. Рагозы был построен в 1873 г. по проекту К.Я. Соколова, перестроен в 1904 г. В.П. Алышковым и Г.Г. Кривошеиным, в 1910-х годах — Н.И. Алексеевым.

модным магазинам, где купил несколько шелковых кимоно для своей сестры Елены [Романов 1996: 121].

В 1902 г. Кирилл Владимирович вновь оказался на Востоке. Его поразили изменения, произошедшие в Порт-Артуре: «Жизнь в городе бурлила. Работали отели, рестораны и даже неплохая больница: на улицах было полно солдат сибирских полков и казаков. Встречались китайцы и, конечно, множество японцев, которые ничего не говорили, но все видели» [Романов 1996: 158]. Летом этого же года он посетил с официальным визитом Пекин, где встретился с императрицей Цыси⁷³ и императором Гуансюем⁷⁴, который пожаловал ему китайский орден Дракона [Романов 1996: 162]. Сложность и вычурность китайского дворцового церемониала поразили великого князя, которого принесли во дворец в паланкине, а императрица, разговаривая с ним, обращалась исключительно к своему коленопреклоненному чиновнику [Романов 1996: 160]. Эта встреча по своему очень любопытна — последняя императрица Китая принимает великого князя, ставшего в будущем самопровозглашенным императором несуществующей империи.

Позднее уже с неофициальным визитом он опять посетил Японию, где гостил в токийском замке принца Арисугава, бывавшего в России. В апреле 1889 г. японский принц посещал Петербург, встречался в Гатчинском дворце с Александром Ши Марией Федоровной [РГИА. Ф. 473. Оп. 2. Д. 102. Л. 9], которой вручил орден Японской Императорской Короны, учрежденный японской императрицей [Правительственный. 1889. № 89: 1]. Была у молодого принца и возможность ознакомиться с достопримечательностями российской столицы. Правительственный вестник написал по этому поводу: «В субботу, 22-го сего апреля,

⁷³ Цыси (1835–1908) — императрица династии Цин, фактически управлявшая Китаем с 1861 по 1908г.

⁷⁴ Гуансюй (годы правления 1875–1908) — император династии Цин. Фактически был устранен от реальной власти собственной теткой и приемной матерью, вдовствующей императрицей Цыси.

Японский Принц осматривал Петербург и посетил Исаакиевский и Петропавловский соборы; в воскресенье, 23-го апреля, Принц был вечером в Мариинском театре. В пятницу предполагается отъезд Его Высочества в Москву, откуда Принц проследует в Париж, где находится его супруга, Принцесса Иосука. Принц путешествует в строгом инкогнито, которое оставил лишь на время своей официальной миссии» [Правительственный. 1889. № 89: 1]. Через 13 лет японский принц радушно примет неофициально путешествующего русского принца в японской столице. Это был знак необычайного доверия: «Я был первым, кто удостоился такой чести со стороны японской императорской фамилии» — напишет позднее Кирилл Владимирович [Романов 2006: 117]. Гостеприимство японцев очарует, практически обольстит великого князя. Принцесса Иосука с необычайно утонченным мастерством проведет для него чайную церемонию [Романов 2004: 117]. До Русско-японской войны оставалось два года...

В 1902 г. он также побывал в Сеуле, куда доставил на крейсере «Нахимов» нового русского посла в Корею с супругой. Кирилл Владимирович оставил очень любопытную характеристику этой маленькой азиатской страны, которая показалась ему «наполовину китайской, наполовину японской, хотя и обладает собственной очень древней цивилизацией» [Романов 1996: 168].

Наконец после многочисленных переходов из одного дальневосточного порта в другой крейсер «Нахимов» отправился в Европу.

Впоследствии Кирилл Владимирович в звании контр-адмирала и начальника военно-морского отдела штаба командующего Тихоокеанским флотом вице-адмирала С.О. Макарова примет участие в Русско-японской войне, и в обороне Порт-Артура, над которым когда-то поднимал русский флаг. Вместе с Макаровым Кирилл Владимирович находился на борту броненосца «Петропавловск», когда тот подорвался на японской мине при выходе из бухты Порт-Артура. Тогда погибли известный русский флотоводец С.О. Макаров, самый знаменитый отечественный художник-баталист В.В. Верещагин и почти весь экипаж «Петропавловска»,

а Кириллу Владимировичу удалось спастись, или, что вероятнее, его смогли спасти. Однако он получил тяжелые ранения и отправился на лечение за границу.

Еще в 1891 г. Кирилл Владимирович познакомился в Петербурге со своей двоюродной сестрой принцессой Викторией⁷⁵. Во время лечения в Европе они возобновили знакомство, которое завершилось скромной свадьбой 8 октября 1905 г. Этот брак не был разрешен императором и противоречил канонам православной церкви, поскольку женились двоюродные брат с сестрой. Кирилл Владимирович был лишен всех наград, права наследования престола, исключен из состава армии и флота и выслан из России [Романов 1996: 214]. Его изгнание продолжалось три года [Романов 1996: 215]. Позднее после принятия Викторией православия Николай II присвоил ей титул Великой Княгини Виктории Федоровны и восстановил в правах ее мужа. Великокняжеская семья смогла вернуться в Россию.

В начале Первой мировой войны был определен в военноморское управление адмирала Русина⁷⁶ при штабе великого князя Николая [Романов 1996: 228]. В 1916 г. произведен в чин контр-адмирала и назначен командующим отрядами, минировавшими реки и озера [Романов 1996: 231].

Любопытна жизнь великого князя после Февральской революции 1917 г. 7 марта 1917 г. он подал в отставку с поста командира Гвардейского экипажа [Биржевые. 1917. № 16125: 2], а 9 марта дал несколько интервью столичным газетам. В «Петроградской газете», выпуск которой был озаглавлен «Дни свободы»,

⁷⁵ Виктория Федоровна, урожденная Виктория Мелита (1876–1936) — принцесса Эдинбургская, принцесса Саксен-Кобург-Готская, герцогиня Гессенская, великая княгиня, с 1924 г., по мнению части русских монархистов, императрица. Скончалась в 1936 г.

⁷⁶ Александр Иванович Русин (1861–1956), с 1909 г. — контр-адмирал, с 1912 г. — вице-адмирал, в 1913–1914 гг. — начальник Главного морского штаба, с 17 июня 1914 г. — начальник Морского генерального штаба. После революции эмигрировал во Францию. В 1939 г. переехал в Марокко, где и умер в Касабланке 17 ноября 1956 г.

над объявлением о вечере поэтов в «Привале комедиантов» по адресу Марсово поле, 7 («Вход только по реком. гг. действ. членов») была напечатана статья с характерным названием «Николай Последний» [Петроградская.1917. № 58:1]. В этой статье Кирилл Владимирович заявил о необходимости полной поддержки Временного правительства и описал Февральскую революцию, как «почти бескровный переворот, от которого можно ожидать самые благие последствия» [Петроградская.1917. № 58: 1].

В тот же день корреспондент «Биржевых ведомостей» А. Кан, освещавший также арест Николая II, побеседовал с Кириллом Владимировичем. Перед закрытыми дверьми великокняжеского дворца журналиста встретил матрос Гвардейского экипажа⁷⁷, проводивший его в кабинет усталого хозяина [Биржевые 1917. № 16127: 1]. Интересно, что очерк об аресте бывшего императора был помещен только на третьей странице, а интервью с бывшим великим князем на первой, над объявлениями о переносе концертов «Ансамбля старинных инструментов» и вновь о вечере поэтов [Биржевые. 1917. № 16127: 1, 3]! В беседе Кирилл Владимирович возложил всю вину за прошедшие события на бывшего государя [Биржевые. 1917. № 16127: 1].

Нелепость ситуации, когда великий князь пытается быть краснее большевика, отметил Ремизов: «К Таврическому дворцу с музыкой водили войска. Один полк привел — “великий князь” — и об этом много разговору» [Ремизов 2000: 45]. Еще будучи командиром Гвардейского экипажа, Кирилл Владимирович отличился тем, что привел вверенную ему часть к Таврическому дворцу и объявил, что он и матросы в полном распоряжении Государственной Думы [Воейков 1936: 251].

Правда, позднее, в эмиграции, при написании книги воспоминаний его восприятие февраля и марта 1917 г. сильно изменилось. Если в интервью — «Прочь недавнее мрачное прошлое», то в мемуарах описание революционных дней крайне негативное

⁷⁷ Невольно хочется спросить, а как же отставка с поста командира экипажа?

[Романов 1996: 236–245]. Эти статьи и заигрывание с новой властью неоднократно ставилось ему в вину монархистами. По столице в это время стала ходить довольно циничная частушка о его участии в Русско-японской войне:

Погиб «Петропавловск»,
Макаров не всплыл,
Но спасся зачем-то,
царевич Кирилл.

В июне 1917 г. Кирилл Владимирович с дочерью на поезде уехал в Финляндию [Романов 1996: 245]. В Россию он больше не вернется, а через год, в июне 1918 г., из его дворца стали изыматься предметы, имеющие культурную и историческую ценность. Помимо восточных раритетов, поступивших в Музей антропологии и этнографии, из его особняка было реквизировано также большое количество картин на морскую тематику, переданных Музейным фондом в 1920 г. в **Центральный морской музей**⁷⁸.

⁷⁸ «202. Бегиров А. Русская эскадра под стеклом в золоченой багетной рамке. Подпись в правом углу Бегиров (в тексте неразборчиво. — Д.И.) 1890. На подрамнике синим карандашом написано Б.Каб.В.К.А.М. т. е. Большой Кабинет Вел. Князя Александра Михайловича. 69×106. Акварель» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 3].

«867. Л. Блинов. Корабли в гавани. Картина на холсте без рамы. Подпись Л. Блинов 94. На обороте синим карандашом: Б. кабинет Вел. Князя А.М. Собрание Ксении Александровны. Масло» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 4].

«2204. К. Крыжицкий. Подпись в правом нижнем углу. Картина на холсте. Марина с изображением однотрубного корабля. Размер 47 1/2×67 см. К.В. (великий князь Кирилл Владимирович. — Д.И.) улица Глинки 13. Масло» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 5].

«2205. К. Крыжицкий 1902 г. Подпись в левом нижнем углу. Марина с изображ. Трехтрубного корабля. Размер 48×70. К.В. Улица Глинки 13» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 6].

В эмиграции в 1924 г., оказавшись старшим из дома Романовых, провозгласил себя императором. Это решение было воспринято белой эмиграцией неоднозначно, многие вспоминали знаменитые интервью 17-го года.

Скончался Кирилл Владимирович 12 октября 1938 г. в Париже и был похоронен в Германии в родовой усыпальнице своей жены. 7 марта 1995 г. останки Кирилла Владимировича и его супруги были торжественно перезахоронены в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге. А в его дворце, надо отметить, весьма небольшом и скромном, в настоящее время находится детский сад (рис. 15).

Яacobсон, Кавос, Елисеев

Евгений Цезаревич Кавос, подъезжая к Петрограду московским поездом, очень смеялся рассказу спутника, представляя себе сцены ареста министров. Но поезд остановился, сильно не доезжая вокзала. И Кавос застрадал, как же он потащит несколько своих чемоданов, да непривычными руками. Ведь не поднимешь. — «Нет, это мне не нравится. Я скоро начну кричать — да здравствует Николай II!». И верно, до дому по городу он добирался, пока все вещи, двое суток.

А.И. Солженицын. «Красное колесо. Март Семнадцатого»

Согласно документам из архива Эрмитажа в 1922 г. в Этнографический отдел Академии наук числились переданными четыре предмета из собрания Яacobсона: № 6837 бронзовый павлин китайской работы, № 6853 фарфоровое фантастическое животное, а также № 6857, 6967 — бронзовые слон и тигр [АГЭ. Ф. 4. Оп. 2. Д. 82. Л. 48]. В инвентарной книге Музейного фонда под № 6837 указана «Фигура павлина старинное китайское клуазоне. Фигура изображена с поднятой головой и распущенным хвостом,

верхняя крышка снимается. К нему есть парный. Высота — 29 см, длина — 31 см. Бронза. Собрание Яacobсона» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 449а. Л. 446–447]. Необходимо отметить, что в Музее антропологии и этнографии имеется только один китайский павлин (№ 2950 — 8а, б), поступивший из Музейного фонда. Это бронзовая курильница в виде птицы, крылья и хвост которой украшены перегородчатой эмалью (клуазоне). На спине находится съёмная крышка. Размеры курильницы: высота — 21,7 см, длина — 31,2 см (Опись коллекции № 2950: 3).

К сожалению, определить три других дальневосточных экспоната из собрания Яacobсона, переданных в Академию наук, нам не удалось.

О дореволюционном хозяине бронзового павлина известно немного. Опираясь на архивные документы можно только утверждать, что его инициалы были А.В. и он был владельцем магазина, расположенного по адресу Большой проспект Васильевского острова, 6, кв.4 [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257. Л. 2].

По всей видимости, этот домашний (в адресе указана квартира) магазин специализировался на торговле восточным антиквариатом. Кроме приведенных выше четырех предметов, из этого магазина было перевезено на склад Музейного фонда в Ново-Михайловском дворце еще как минимум семь китайских раритетов [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257. Л. 2]. Изъяты они были, скорее всего, в 1919 г., в документах имеется сноска на опись от 17/ХІІ 1919 г. [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257. Л. 3]. В 1919 г., как уже упоминалось, был установлен контроль над антикварным рынком, с обязательной регистрацией всех находящихся в обороте художественных ценностей. По всей видимости, Яacobson не смог соблюсти все необходимые формальности, что и привело к экспроприации.

В настоящее время в здании по адресу Большой проспект Васильевского острова, 6 находится жилой дом (рис. 16).

Проще всего оказалось определить дореволюционных хозяев двух предметов — это небольшой японский лакированный шкафчик и японский буддийский киот с резным деревянным позолоченным изображением Будды.

На шкафчике, поступившем в наш музей в 1924 г. со склада Музейного фонда в Зимнем дворце, имеется этикетка бывшего хозяина «Изъ библиотеки Евгения Цезаревича КАВОСА. № 1369 (номер написан неразборчиво. — Д.И.).

Евгений Цезаревич Кавос родился в 1859 г. в семье академика архитектуры Цезаря Альбертовича Кавос⁷⁹. Евгений Цезаревич был двоюродным братом Александра Николаевича Бенуа и архитектора Леонтия Николаевича Бенуа. Последний построил для Е.Ц. Кавос доходный дом по адресу Каменноостровский пр., 24, Большая Монетная ул., 10.

В одной из квартир этого дома проживал и сам хозяин, который был инженером, увлекавшимся художественной фотографией. Благо его кузен А.Н. Бенуа отмечал: «Единственный сын дяди, мой двоюродный брат Женя Кавос, мог всю жизнь существовать в условиях вполне барских» [Бенуа 2003: 160]. Скончался Евгений Цезаревич в 1918 г.

Другой предмет, японский буддийский киот, имеет этикетку «винные склады Елисеева № 4118» (рис. 17). Согласно инвентарной книге Музейного фонда к ним 5 августа 1919 г. поступило под № 4118 «Старинное изображение будды. Резное дерево, местами золоченое. Будда изображен сидящим на троне и заключенным в деревянный черный футляр. Размер футляра: Выс. — 32 см. Шир. — 12×15 см. Из склада Елисеева. По описи № 79» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 449а. Л. 112], а также «№ 4101. Ваза большая китайская. Эмаль. Выс. — 119 см. Диаметр — 31,5 см. Дна — 21 см. Из складов Елисеева по Волховскому пер.» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 449а. Л. 106].

⁷⁹ Цезарь Альбертович Кавос (1824–1883) — архитектор, автор здания Детской больницы принца П.Г. Ольденбургского (детская больница им. Раухфуса), учредитель Общества российских архитекторов, сын другого известного архитектора Альберта Катериновича Кавоса (1800–1863), автора здания (Театра-цирка) Мариинского театра и внук композитора и дирижера Катерино Альбертовича Кавоса (1775–1840). Род Кавос относится к старинным венецианским фамилиям. Именно Катерино Альбертович Кавос переехал в Россию, положив начало российской ветви семьи.

Винные склады фирмы «Братья Елисеевы» располагались в Биржевом переулке, 2–4 на Васильевском острове [Корзинин]. История этих винных складов начинается в 60-х годах XIX в., когда Григорий Петрович Елисеев приобрел участок земли на Васильевском острове, ограниченный Малой Невой, Биржевой линией, а также Волховским и Биржевыми переулками. Этот район города станет центром торговой «империи» знаменитой купеческой семьи.

В 1861–1862 гг. архитектор Н.П. Гребенка построил на Биржевой линии (дом 14) 4-этажный особняк, на первом этаже которого располагался фирменный магазин, а наверху проживал сам купец с семьей. В 1869–1870 гг. Н.П. Гребенкой было построено здание складов по Биржевой линии и по Биржевому переулку [Корзинин].

Необходимо отметить, что собственно склады Елисеева располагались не в Волховском, а в Биржевом переулке и на Биржевой линии. Любопытно, также, что в документах адрес изъятия многочисленных антикварных вещей (мы выше привели описание лишь двух восточных вещей) — это именно склады Елисеева, а не его особняк, находившейся по соседству. Возможно, купеческая смекалка заставила хозяина заранее перепрятать все свои ценности из особняка в складские помещения, но тогда это было слишком простым решением, которое не спасло его имущество от экспроприации.

Перед революцией дома на Васильевском острове принадлежали Григорию Григорьевичу Елисееву, основателю известных фирменных «Елисеевских» магазинов в Москве и Петербурге.

Мы предполагаем, что появление в «Елисеевской коллекции» восточных вещей, а особенно японского Будды, связано с сыном Г.Г. Елисеева — С.Г. Елисеевым.

Сергей Григорьевич Елисеев (Serge Elisseeff) родился в 1889 г. в Петербурге. В 1906 г. он познакомился с С.Ф. Ольденбургом, который рекомендовал ему заниматься Японией и поступить в Берлинский университет. Елисеев учился сначала в Берлинском, а потом в Токийском университетах. В 1912 г. после окончания Токийского университета он поступил в нем же в аспирантуру.

В 1914 г. Сергей Григорьевич вернулся в Россию, а в 1916 г. был назначен приват-доцентом по японскому языку Петербургского университета. После революции он работал в Азиатском музее. А в 1921 г. вместе с семьей эмигрировал во Францию, где продолжил заниматься востоковедением — работал переводчиком в японском посольстве, читал в Сорбонне, преподавал историю японского искусства в специальной школе Лувра [Фролова].

Научная деятельность Елисеева была замечена в Америке, и в 1932 г. он получает приглашение в Гарвардский университет, в котором читает лекции в 1932–1933 годах. В 1934 г. он становится директором Гарвард-Яньцзинского института, призванного помочь развитию науки в Китае и созданного на базе Яньцзинского университета, располагавшегося недалеко от Пекина [Фролова]. Он принимает участие в публикациях «*Harvard journal of Asiatic studies*», где в частности выпускает статью, посвященную другому известному отечественному востоковеду, не вернувшемуся после революции в Россию, барону Сталь фон Гольштейну [Elisseeff 1938:1–5].

Сергей Григорьевич был избран почетным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, награжден орденом Почетного легиона, избран президентом Американского ориентального общества.

В 1957 г. он вернулся во Францию и скончался в Париже в 1975 г. У Сергея Григорьевича Елисеева было два сына, и оба связали свою судьбу с Востоком⁸⁰ [Фролова].

⁸⁰ Старший, Никита Сергеевич Елисеев (1915–1997), окончил Сорбонну и Школу восточных языков. Во время II Мировой войны был участником Сопротивления. Долгое время работал во Французском институте арабских языков в Дамаске. В 1966 г. стал профессором арабского языка и литературы Лионского университета, а с 1980 г. — директор Института истории и археологии христианского и мусульманского Востока междуниверситетского центра средневековой истории и археологии. В 1965 г. в Дамаске у него родился сын Валерий.

Младший, Вадим Сергеевич Елисеев (1918–2002), как и брат, окончил Сорбонну и Школу восточных языков, был участником Сопротив-

Любопытна и судьба здания Елисеевских винных складов. В 1918 г. оно было национализировано. Новая власть не стала нарушать традицию и на протяжении еще очень долгого времени в этом доме находились винные склады.

Как отмечалось в первой главе, Музейный фонд не только занимался экспроприацией частных собраний, но и имел непосредственное отношение к формированию и ликвидации разных музеев.

В Музее антропологии и этнографии хранится несколько коллекций поступивших в 20-е годы XX в. из других музеев через Музейный фонд. Их судьба достойна небольшого отдельного рассказа.

Пушкинский Дом

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

А. Блок. «Пушкинскому Дому»

Особое место среди поступлений в МАЭ в 20-е годы XX в. занимают коллекции, переданные через Музейный фонд из Пушкинского Дома⁸¹.

Литературный музей передал в этнографический японскую буддийскую скульптуру, китайский фарфор и перегородчатую эмаль, африканские стрелы, персидские ковры и меч из рыбы пилы.

ления. Был специалистом по китайскому языку и культуре. Преподавал в Школе восточных языков, Школе Лувра. В 1982–1986 гг. — главный хранитель музея Гимэ в Париже. Занимался организацией выставок восточного и русского искусства. В 90-х годах прошлого века — президент международной комиссии ЮНЕСКО по изучению шелкового пути. Награжден несколькими орденами и медалями.

⁸¹ Список всех коллекций, поступивших в 20-е годы в МАЭ из Пушкинского Дома и от Б.Л. Модзалевского, см. Приложение 4.

Экспонаты попадали в МАЭ как через Музейный фонд, так и непосредственно из Пушкинского Дома, к ним же, видимо, можно отнести и коллекцию монгольских буддийских икон, полученную от Ученого хранителя и одного из основателей Пушкинского Дома Б.Л. Модзалевского⁸².

8 июля 1924 г. от правления РАН в Музей антропологии и этнографии из Пушкинского Дома поступила коллекция № 2962. В книге поступлений в графе «народ» указаны японцы, в графе «регион» — Япония (Инвентарь коллекциям л. 046 об. — 047). Однако в дальнейшем она была зарегистрирована уже как монгольская! А в описи про состав сказано «буддизм: бурханы⁸³» (Опись коллекции №2962, титульный лист). Если посмотреть на действительный состав коллекции, то мы обнаружим, что в ней нет ни одного монгольского предмета, а все «бурханы» — это японские бронзовые изображения буддийских божеств. Причем это была далеко не единственная коллекция, поступившая в МАЭ из Пушкинского Дома в первое послереволюционное десятилетие.

Сначала (в 1920–1923 гг.) передавались только гравюры и фотографии. Ситуация резко изменилась в 1924 г., когда из Пушкинского Дома и от Б.Л. Модзалевского поступило десять коллекций, включающих оружие, произведения декоративно-прикладного искусства, культовые предметы, археологические находки. Как все эти разнообразные артефакты, включающие меч из рыбы-пилы с островов Океании, самурайские мечи и стрелы из Сомали, оказались в музее русской литературы? А также, почему именно в 1924 г. Пушкинский Дом начинает освобождаться от этих и, как мы увидим ниже, других экспонатов?

⁸² Борис Львович Модзалевский (1874–1928) — историк русской литературы, библиограф, член-сотрудник Русского генеалогического общества (1907), член-корреспондент Императорского московского археологического общества (1908), член-корреспондент АН СССР (1925).

⁸³ Бурхан — монг.: божество, в данном случае изображения буддийских божеств.

История Пушкинского Дома восходит к 1898 г., когда при Академии наук была создана комиссия по подготовке к празднованию столетия со дня рождения А.С. Пушкина. Председателем комиссии стал великий князь Константин Константинович⁸⁴ [Баскаков 1988: 12]. В 1899 г. в Большом конференц-зале Академии наук прошла Пушкинская выставка, организованная Б.Л. Модзалевским, и создана комиссия для сооружения памятника Пушкину в Петербурге [Баскаков 1988: 14–15]. В 1904 г. комиссию возглавил академик С.Ф. Ольденбург, и с его приходом возникла мысль о формировании специального учреждения, посвященного поэту. В 1905 г. была озвучена любопытная идея, что памятник Пушкину желательно учредить не в виде монумента, а как особый музей-памятник [Баскаков 1988: 16–17].

14 июля 1907 г. было утверждено положение о Пушкинском Доме, который впервые годы занимался собиранием книг, рукописей, иконографий [Баскаков 1988: 22, 31]. Своего здания у Пушкинского Дома не было, и первоначально коллекции располагались в Главном здании Академии наук на Университетской набережной Васильевского острова.

Фактически бездомным музей-памятник оставался до революции. В 1918 г. директор Пушкинского Дома Н.А. Котляревский ходатайствовал о предоставлении помещения для музея, и 20 февраля 1919 г. Пушкинскому Дому было выделено здание архива бывшего таможенного департамента на Тифлисской ул., 1. Журнал «Бирюч» написал по этому поводу: «Пушкинский Дом при Российской академии наук наконец получил помещение для своего обширного музея, первоклассного рукописного собрания и весьма ценной библиотеки. Дом Пушкина будет помещаться в бывшем Архиве Таможенного Департамента, между вновь по-

⁸⁴ Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915) не случайно возглавил эту комиссию. Константин Константинович был достаточно известным поэтом и переводчиком, печатался под псевдонимом «К.Р.».

строенным зданием библиотеки Академии Наук и Акцизным Управлением» [Бирюч. 1919. № 17–18: 306]. Однако эта небольшая сохранившаяся часть гостиного двора, построенного Доменико Трезини в 1721–1737 гг., нуждалась в ремонте. Поэтому в 1920 г. Пушкинскому Дому был также определен особняк князя Семена Семеновича Абамелек-Лазарева на Миллионной улице⁸⁵ [Баскаков 1988: 49–51] (рис. 18, 19), который с 1919 г. курировал сотрудник Отдела по охране памятников искусства и старины (Музейного фонда) и член Археологического общества Н.Г. Пиотровский [Прищепова 2000: 88]. При этом в здании уже размещались испанское посольство и уголовный розыск, а с июня 1919 г. часть дома отошла Институту общественного зубоврачевания, возглавляемому Е.Н. Андерсоном. Институт общественного зубоврачевания (ИОЗ) был универсальным стоматологическим учреждением, занимавшимся работой по обследованию полости рта у пациентов, научной обработкой полученной информации, подготовкой врачей-стоматологов [Кунките 2004: 104]. При институте была библиотека и музей, открытый для посещения. За 1921 г. в нем побывало 840 человек и прошли две групповые экскурсии [Кунките 2004: 115].

В августе 1919 г. С.А. Ухтомский перенес все художественные предметы из помещений, занятых стоматологами, в комнаты, оставшиеся в ведение Отдела по охране памятников [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 48. Л. 12]. Модзалевский в записной книжке отметил, что 16 апреля 1920 г. им совместно с князем С.А. Ухтомским, представительницей Жилищного отдела Дудой и районным представителем Калмыковым был составлен акт о приеме для Пушкинского Дома особняка Абамелек-Лазарева [Модзалевский 2005: 12]. Но действительная передача Академии наук для Пушкинского Дома дворца произошла только в феврале 1921 г. в присутствии Уполномоченного Му-

⁸⁵ Дворец имеет двойной адрес: Миллионная, 22; Мойка, 21. Абамелек-Лазареву принадлежали также соседние дома: Миллионная, 24; Мойка, 23.

зейного фонда С.А. Ухтомского и С.М. Дудина [Прищепова 2000: 91]. 5 мая 1921 г. состоялось торжественное открытие Пушкинского Дома в особняке на Миллионной [Модзалевский 2005: 20].

Уже в октябре 1921 г. в новом помещении Пушкинского Дома открылась первая выставка, приуроченная к 100-летию со дня рождения Достоевского, а через два месяца уже вторая, к 100-летию со дня рождения Некрасова [Баскаков 1988: 62].

Пушкинистам очень понравился предоставленный им особняк, соответствующий духу эпохи. Осознавая невозможность отделить литературу от того времени, когда создавались произведения, они начали собирать вещи, подobaющие обстановке, в которой работали писатели. В Пушкинском Доме появились отделы реликвий и предметов быта [Скатов].

Сотрудники Пушкинского Дома настолько хорошо освоились на новом месте, что даже иногда использовали для своих документов бланки «Конторы Его Сиятельства Князя Семена Семеновича Абамелик-Лазарева» [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 31 об., 38 об., 41 об.].

В 1924 г. встал вопрос о передаче особняка Абамелик-Лазарева Откомхозу и о переезде Пушкинского Дома в новое здание на Тучкову (Макарова) набережную, дом 2-а. Это предстоящее переселение было воспринято руководством Пушкинского Дома крайне негативно. Директором Н.А. Котляревским⁸⁶ и зав. делопроизводством Шаскольским было написано следующее прошение: «Пушкинский Дом позволяет себе просить о ходатайстве перед подлежащими учреждениями по вопросу об оставлении за ним здания по ул. Халтурина № 22–24/по наб. р. Мойки — № 21–23/, взамен чего готов отказаться от предоставленного ему ныне помещения в доме № 2а — по Тучковой набережной. Последнее помещение совершенно неудовлетворительно в архитектурно-художественном отношении для историко-литературного музея,

⁸⁶ Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) — историк литературы, публицист. С 1910 г. — первый директор Пушкинского Дома.

обязанного по возможности соблюдать то, что называется «духом и стилем эпохи». Самое здание новой постройки казенного образца, а отделку внутри, в особенности зала, нельзя назвать иначе, как рыночной» [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 150 — 150 об.].

Однако эти представления о комплексном музее эпохи и литературы не нашли понимания в руководящих инстанциях, и 11 ноября 1924 г. последовал ответ, гласящий, что вопрос о передаче здания на улице Халтурина Откомхозу окончательно решен [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 153].

На наш взгляд, понимание неизбежности предстоящего переезда подтолкнуло администрацию Пушкинского Дома в 1924 г. к началу больших передач предметов из дворца Абамелек-Лазарева, обладающих культурно-исторической ценностью, но не относящихся напрямую к русской литературе, в другие музеи. И, как мы увидим ниже, это было, видимо, правильное решение.

В Государственный Эрмитаж в 1924 г. **через сотрудника Музейного фонда С.Е. Лурье** были переданы венецианский шкаф; картины [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 145 — 145 об.].

14 февраля 1924 г. Правление Академии наук согласилось с предложением Пушкинского Дома о передаче в Государственный Эрмитаж двух картин под № 235 и 338 (номера Музейного фонда. — *Д.И.*). 11 декабря Правление Академии наук поддержало просьбу Государственного Эрмитажа о передаче во временное пользование трех гравюр (виды собора св. Петра в Риме) и шести гобеленов⁸⁷ [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1(1920). Д. 6. Л. 167]. Среди них, видимо, должны были быть и две огромные шпалеры, представляющие историю Тамерлана и Баязета, сотканые в XVII в. в Брюсселе [Зуев 2012: 359; Столица 1915: 6].

⁸⁷ С этими гобеленами связана очень интересная, по сути, детективная история, изложенная В.А. Прищеповой в книге «Коллекции заговорили» [Прищепова 2000: 94].

6 марта 1924 г. заведующий Художественным отделом Русского музея Петр Иванович Нерадовский принял из выставочного помещения Пушкинского Дома (ул. Халтурина, 22) картину кисти Венецианова: крестьянский мальчик (№ 407) [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 73].

1 декабря 1924 г. Ученый хранитель музея Пушкинского Дома М.Д. Беляев выдал ассистенту художественного отдела Русского музея Е.К. Мроз портрет княгини Е.П. Гагариной, работы Барбье [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 161].

4 декабря Правление Академии наук одобрило передачу Русскому музею во временное пользование 10 торшеров по рисунку Росси, украшавших парадную лестницу особняка [Зуев 2012: 358]; 12 бюстов; портрета Лазарева, кисти Зарянко; 10 литографических камней и оттисков с них [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 163].

6 декабря удовлетворено ходатайство Историко-бытового отдела Русского музея о предоставлении ему во временное пользование портшеза XVIII в. из коллекции Абамелек-Лазарева [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 164].

Самое большое количество различных предметов из особняка Абамелек-Лазарева Правление Академии наук определило в 1924 г. в другой академический музей — Музей антропологии и этнографии. Причем в МАЭ экспонаты передавались не на временное хранение, а «для включения в состав коллекций» [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 156]. Это вазы, оружие, китайские блюда клуазоне, фигуры из корня дерева, лаковая шкатулка, японский шкафчик, китайский магический меч из монет, седло восточное [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 157]. Первоначальный список отобранных директором МАЭ Е.Ф. Карским вещей насчитывал 30 предметов с номерами Музейного фонда и семи артефактов без номеров [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 157]. Позднее к ним добавились «небольшая коллекция буддийских бурханов»⁸⁸, археологическое собрание и другие раз-

⁸⁸ Коллекция МАЭ № 2962.

личные раритеты [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 64], полученные Ученым хранителем Музея антропологии и этнографии Г.О. Монзелером 6 июня 1924 г. [СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 77 об.].

Некоторые из экспонатов, хранящихся в настоящее время в МАЭ, судя по сохранившейся описи Музейного фонда, по всей видимости, сделанной С.А. Ухтомским, комнат № 7 и 8 дворца Абамелек-Лазарева, находились до революции в этих помещениях. В комнате № 7 — два японских меча⁸⁹ и восточное седло⁹⁰; в комнате № 8 — колчан из крокодиловой кожи с десятью стрелами⁹¹ (рис. 21).

Часть этих предметов (эфиопский или сомалийский колчан из крокодиловой кожи со стрелами) были, вероятно, привезены бывшим владельцем особняка из путешествий по Северной Африке и Ближнему Востоку, совершенных Семеном Семеновичем Абамелек-Лазаревым в начале 80-х годов XIX в. Будучи археологом-любителем, он проводил раскопки в Пальмире и Джераше, по результатам которых издал прекрасно оформленные книги «Пальмира» [Абамелек-Лазарев 1884] и «Джераш» [Абамелек-Лазарев 1897]. Самой известной находкой князя стала обнаруженная в Пальмире мраморная плита с надписями на греческом и арамейском языках. Однако научно-исторические изыскания князя носили кратковременный, почти мимолетный характер. Как отметил известный отечественный востоковед Павел Константинович Коковцов, «трудами о Пальмире и Джераше исчерпывается вся учено-археологическая деятельность князя Абамелек-Лазарева, а если присоединить к ним вышедший еще в 1880 г. юношеский труд «Ферейские тираны», то и вся вообще ученая деятельность покойного князя» [Коковцев 1917: 235]. Но не собирательская, князь был известен как увлеченный коллекционер [Зуев 2012: 365]. Журнал «Столица и усадьба» писал

⁸⁹ Коллекция МАЭ № 3030 — 1a,b; 3030 — 2a,b.

⁹⁰ Коллекция МАЭ № 3034.

⁹¹ Коллекция МАЭ № 3059.

в 1915 г. про особняк на Миллионной: «В кабинете князя, как и в других комнатах, по стенам развешаны оригиналы кисти Мурильо, Рибейра, Прудона, Гуарди, Рембрандта» [Столица. 1915: 6].

Интересно присутствие в списке, переданных из дворца предметов, археологических находок. Их появление в особняке может быть связано как с самим бывшим владельцем, так и с Археологическим обществом, занимавшим какое-то время особняк в 1919 г. [Прищепова 2000: 88]. Эти артефакты — изделия из мыльного камня и бронзовые антропоморфные изображения — сформировали в МАЭ коллекцию № 3047. А поступившая в этот же день японская бронзовая скульптура — пресловутую коллекцию монгольских «бурханов». Причем «бурханами» они были названы еще в документе о передаче.

Часть восточных раритетов была явно приобретена Абамелек-Лазаревым в России, в качестве украшения интерьеров своего дворца. На донце одной из китайских тарелок⁹² наклеена этикетка с указанием цены «20 рублей». Семен Семенович был весьма известным коллекционером. Помимо петербургского дворца ему также принадлежала вилла «Абамелек» в Риме, где хранились античные коллекции князя. Сам бывший владелец этих раритетов скончался в Кисловодске в 1916 г. Его итальянскую виллу, коллекции и счета в зарубежных банках унаследовала вдова Мария Павловна Абамелек-Лазарева (Демидова). Петербургское собрание частично было распределено между музеями, а частично просто разворовано хозяйственной частью Академии наук.

Своеобразными памятниками судьбе петербургского имущества князя являются заключительные документы в деле «О здании № 21 по наб. реки Мойки (быв. Абамелик-Лазарева)» из Петербургского филиала архива Академии наук.

⁹² Коллекция МАЭ № 3046 — 11.

«Р.С.Ф. С.Р.
Н.К.Ю.
Народный следователь
В.О. района
Гор. Ленинграда
8 января 1930 года
№ 247
В.О. 18 линия д. № 1

Копия.
Срочно.

В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ

Академии наук /Университетская наб., 5/

В связи с поступившим в мое производство уг.д. за № 247, о расхищении имущества б. дворца Абамелек-Лазарева должностными лицами Хозчасти Академии, прошу срочно сообщить о нижеследующем.

1/ В котором году означенный дом перешел в ведение Академии /т.е. к Пушкинскому Дому/, от какого учреждения он был принят и имеется ли в делах Академии Акт приемки с подробным перечнем имущества.

2/ Кто в это время ведал Пушкинским Домом; кто был Ст.ученым хранителем Дома, и было ли спец. выделенное лицо, которое ведало Хозчастью дома; кто из должностных лиц П.Д. в настоящее время может дать исчерпыв. объяснения об имуществе, о котором идет речь.

3/ Когда /точно/ Пушкинский Дом переехал на Тучкову наб., № 2-а; какое имущество Абамелек-Лазарева а/ осталось при Пушкинском Доме б/какое имущество было передано другим Учреждениям, входящим в систему Академии и в/какое имущество было передано в Хозчасть Академии, коей ведал БАНЬКОВСКИЙ г/ имеются ли в делах Академии документы /акты передачи, расписки учреждений о приеме имущества и т. д./..

4/ Возможно ли в настоящее время составить общий список наличия имущества Абамелек-Лазарева, с указанием, в каком из учреждений Академии оно находится.

Народный следователь В.О. Района

г. Ленинграда — Штейнберг» [СПбФ АРАН Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 80].

«№ 54

19.I.30 г.

В УД [Управление делами]

На предложение дать ответ на запрос Нарследователя В.О. Района за № 247 могу сообщить по существу дела следующее: Так как я лично при приеме дома б. Абамелек-Лазарева или какого-либо имущества из его дома не присутствовал и никакого участия в этом деле не принимал, а из оставшихся в ПД старых сотрудников нет никого, кто мог бы дать точные ответы на ряд поставленных вопросов. Я принужден был для составления настоящего ответа использовать дела Пушкинского Дома, на основании чего могу на поставленные вопросы сообщить следующее:

1/ а/ фактическая передача дома б. Абамелек-Лазарева состоялась 3/II/1921 г.

б/ дом перешел от Отдела Охраны Памятников Искусства и Старины.

в/ акт о приемки дома имеется и прилагается при сем в копии.

г/ подробного перечня при акте не имеется. Но в деле под № 20, ч. II, имеется под стр. №I отпуск отношения ПД в Гос. Музейный Фонд от 3.XI.1923 г. за № 949, которым ПД обращался с просьбой доставить опись ведомость, составленную Чрезучетом за № 36. При означенном отпуске действительно имеется опись вещам, находившимся в доме б. Абамелек-Лазарева, но есть ли эта опись та самая, о которой упоминается в акте, сказать трудно, т.к. количество номеров этой описи превышает количество номеров описи ведомости Чрезучета.

2/ а/ в то время, т.е. с 1921 г. до ликвидации б. дома Абамелек-Лазарева Пушкинским Домом ведал Директор его Академик Н.А. Котляревский, б/ Старшим Ученым Хранителем был Б.Л. Модзалевский /оба в настоящее время покойные/, в/ особого лица, которое бы ведало хозяйственной частью ПД, из среды сотрудников ПД никогда не было, ибо все имущество бралось на учет и охранялось Хозяйственным отделом АН; заведовал же домами б. Абамелек-Лазарева с I.VII.1921 г.

гр. Галка, а за отъездом его за границу с I.IX.1922 г. В.И. Богатов. г/ из должностных лиц ПД в настоящее время нет никого, кто мог бы дать не только исчерпывающие объяснения об имуществе, но и хотя бы более или менее точные ответы. Ближе всех к этому делу стоял М.Д. Беляев, Ученый Хранитель ПД, в настоящее время в ПД уже не служащий.

3/ а/ На Тучкову наб. д. № 2 ПД переехал 25.XI.1927 г. б/ О том, какое имущество б. Абамелек-Лазарева осталось в ПД, можно судить по инвентарям ПД. в/ Какое имущество было передано другим учреждениям, — об этом можно судить по актам передачи, хранящимся в делах ПД. г/ На вопрос о том, какое имущество было передано в ХОЗО АН, могло бы ответить отношение ПД от 29.XI.1924 г. за № 750 в Правление АН, если бы при этом отношении сохранились бы какие-либо описи. Но что описи были составлены и вещи были переданы на хранение в ХОЗО, куда была передана и инвентарная опись, явствует из означенного отношения, при сем прилагаемого в копии. д/ Выше уже отмечено п. В, что в делах ПД имеются акты передачи и расписки в приеме имущества, передаваемого через ПД. Имеются ли таковые на предметы, выданные через ХОЗО, мне не известно.

4/ На вопрос, возможно ли в настоящее время составить общий список наличия имущества Абамелек-Лазарева, с указанием, в каком учреждении Академии оно находится, могу ответить, что на основании документов и списков, хранящихся в делах ПД, можно составить довольно значительный список всевозможного имущества, но насколько он окажется полным, судить не могу, т.к. общей инвентарной описи, которая несомненно была передана в Хозяйственный Отдел и о которой идет речь в упомянутом выше отношении ПД за № 750, в ПД не имеется: сохранились лишь черновые описи, составленные, по-видимому, в 1923 г. по предложению Правления АН от 12.VI.1923 г.

Старший Ученый Хранитель» [СПбФ АРАН Ф. 150. Оп. 1 (1920). Д. 6. Л. 78 — 78 об.].

В этих двух документах казенно, но очень точно отражена суть происходившего в это время не только с имуществом Абамелек-Лазарева, но и со многими другими частными собраниями. К этому можно добавить только, что нам не известна судьба вещей, оказавшихся в ведении Хозяйственной части (по всей видимости, неизвестной она осталась и для народного следователя Штейнберга), но многие восточные раритеты, переданные ранее из дворца на Миллионной, сохранились в фондах и на экспозиции Музея антропологии и этнографии.

Музей Города в Собственном Дворце

Город — город никогда не плох.
Город — святыня, потому что он
«множество».

В.В. Розанов

В 2004 г. Е.С. Соболевой и С.А. Старостенковым в архиве Государственного Эрмитажа был обнаружен ряд документов, касающихся поступления в Музей антропологии и этнографии экспонатов из Аничкова дворца [Соболева 2004: 85]. На основании этих документов исследователи справедливо указали, что среди предметов, поступивших в МАЭ в 20-е годы XX в., **имеются раритеты** из Аничкова дворца, добавив: «Когда и при каких обстоятельствах они поступили в Музейный фонд, еще предстоит установить. Во всяком случае, обнаруженные архивные документы стимулируют продолжение начатых поисков» [Соболева 2004: 95]. Коллеги также обратили внимание на попытку сотрудников Музейного фонда по каким-то причинам скрыть наличие в Аничковом дворце артефактов восточного происхождения и предположили, что Музейный фонд старался сохранить «большой объем экспонатов для каких-то будущих планов, в том числе распродажи на внешнем рынке» [Соболева 2004: 95].

Чтобы точнее понять обстоятельства, при которых эти раритеты попали в Музейный фонд, почему руководство Музейного

фонда старалось скрыть их наличие в составе дворцовых коллекций и какие планы относительно этих экспонатов были у Музейного фонда, надо обратиться сначала к истории Музея Города в Аничковом дворце, откуда они собственно поступили в Музей антропологии и этнографии (на некоторых предметах сохранились этикетки с надписью «МУЗЕЙ ГОРОДА. Историч. помещ. Аничк. дворца» и номером Музея Города).

В феврале 1917 г. Аничков дворец был национализирован, и в нем расположилось Министерство продовольствия [Аксельрод 1996: 115]. В мае 1918 г. после его эвакуации усадьба была передана культурно-просветительскому отделу городской управы, и тогда же в ней было решено поместить Музей Города [Аксельрод 1996: 116].

4 октября 1918 г. вышел 121-й номер газеты «Северная Коммуна». Содержание номера отражает дух этого непростого времени, и, что самое интересное, в газете больше внимания уделено не событиям на фронтах гражданской войны — взятию красноармейцами Красноуфимска («Если наступление будет удачно развиваться, то в ближайшие дни мы ликвидируем Ижевско-Вяткинское восстание белогвардейцев и всеми силами сможем действовать на Екатеринбург. В смысле настроения войск жаловаться нельзя. Наши питерцы все здоровы и шлют свой привет») или информации о наступлении англо-французских войск на Вологду [Северная. 1918: 2], а повседневным вопросам города и культуры.

В нем сообщается о проведении назначенных на 6 октября митингов — «Зашатались троны», а также «грандиозного митинга трудящейся интеллигенции» на тему «Интеллигенция и революция» под председательством Максима Горького. Докладчиками на этом митинге выступали Г. Зиновьев и А. Луначарский — «После докладов — свободная дискуссия. Вход бесплатный для всех желающих» [Северная. 1918: 1]. Говорится об организации книжных киосков по России и выделении на это одного миллиона двухсот пятидесяти тысяч рублей [Северная. 1918: 2]. Поднимается вопрос о запрещении детям посещать

кинематограф, поскольку «характер картин часто не соответствует детскому возрасту» [Северная. 1918: 3].

В рубрике «Театр и зрелище» анонсируется проведение в 6 часов вечера концерта Государственного оркестра в Зимнем дворце. «Плата за вход 1 руб.». Причем организует концерт Музейный отдел Наркомпроса [Северная 1918: 4].

На первой странице сообщается о переходе здания бывшего Пажеского корпуса на Садовой улице в ведение Комиссариата внутренних дел, а также печатается декрет об учреждении Музея Города, в котором раскрываются основные задачи, ставившиеся перед новым музеем, и определяется его будущее месторасположение.

«Декрет об учреждении “Музея Города” в Петрограде
№ 12231

В целях показательного содействия как общему, так и специальному ознакомлению с прошлым, настоящим и возможными формами устройства городов и с условиями городской жизни, для собирания и хранения научно-художественных материалов и предметов, имеющих то или иное отношение к различным сторонам городского быта и хозяйства, в г. Петрограде учреждается “Музей Города”. “Музей Города” состоит в ведении Народного Комиссариата просвещения<...>.

Для размещения музея отводятся дворцы: Аничковский и быв. Великого князя Сергея Александровича (Невский пр., угол Фонтанки).

Народный комиссар
А.В. Луначарский» [Северная. 1918. №121: 1].

Сразу за декретом приводятся нормы выдачи картофеля по карточкам [Северная. 1918. №121: 1].

Открытие музея состоялось 26 января 1919 г. Журнал «Бирюч. Петроградских Государственных Театров» так описал это событие: «26-го января, в бывшем помещении Аничкова дворца, открылся Музей Города.<...> Товарищ председателя коллегии

Музея Города Л.А. Ильин сделал доклад об истории возникновения Музея Города и постепенном развитии его отделов. Заведующий Художественным отделом В.Я. Курбатов, в частности, коснулся выставки видов Петрограда и говорил об ее организации. Вечером состоялось заседание коллегии Театрально-Зрелищного и Музыкального отдела. Последовали доклады Л.И. Жевержеева (о первоначальной деятельности и ближайших задачах Отдела), Б.Ф. Шлецера, А.М. Брянского (об организуемой Отделом выставке по вопросам Народного театра) и П.О. Морозова (о цикле лекций) «Театр в жизни города» [Бирюч. 1919. №13–14: 187].

Здесь важно отметить, что хотя преемником Музея Города является Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Музей Города в Аничковом дворце был музеем города вообще, музеем городской культуры в целом или музеем урбанизации, его директором стал архитектор Л.А. Ильин, возглавлявший также одно время архитектурный отдел Музейного фонда.

В результате получился, на наш взгляд, очень необычный, но одновременно и очень сложный в структурном отношении музей, в действительности распадавшийся на ряд музеев, объединенных городской тематикой.

В качестве одного из отделов в него вошел собственно Музей Старого Петербурга, зародившийся еще в 1908 г. [Минкина 2005: 143]. Причем Музей Старого Петербурга в качестве автономного отдела Музея города находился не в Аничковом дворце, а в соседнем здании по адресу Фонтанка, 35 [Минкина 2005: 147] в бывшем доме купцов Серебряниковых и был единственным отделом, обладавшим правом пользоваться собственной печатью [Попова 1998: 37].

Перед самим Музеем Города стояли более широкие задачи. Он был призван показать проблемы древних и современных городов (планировка, строительство, культура, благоустройство). Для этого в нем была собрана коллекция архитектурной и художественной графики городов мира [Попова 1998: 3]. В том числе и азиатских, так в 1923 г. В.Я. Курбатов передал в дар большой акварельный план Пекина [Попова 1998: 83].

Когда в 1920 г. была высказана идея о переименовании Музея Города в Музей города Петрограда, она не получила поддержку музейных работников как не соответствующая целям и задачам музея [Попова 1998: 54].

В музее большое внимание уделяли работе с детьми. Для них пытались разработать специальную культурно-воспитательную программу, а в саду дворца открыли детскую игровую площадку [Попова 1998: 49].

В Музее Города прошла выставка «Виды Петербурга и его окрестностей», в феврале — «Игрушка и ее значение в жизни ребенка» из частного собрания А.Н. Бенуа, позднее открылась экспозиция «Виды Москвы и окраин» [Попова 1998: 43, 48].

Проходили в музее и весьма необычные выставки. В июне 1923 г. в него с территории городской бойни был переведен Мясной музей, который раскрывал проблему снабжения города мясными продуктами [Попова 1998: 78].

В 1925 г. в Музее Города два месяца размещалась московская выставка по кремации [Петрова 2014: 212]. Еще в 1924 г. в связи с организацией этой выставки в Музей антропологии и этнографии пришел запрос из Государственного института социальной гигиены (Москва) о предоставлении экспонатов для готовящейся экспозиции, на что директор музея академик Карский ответил, что МАЭ не может выдать предметы, но готов принять сотрудника института, чтобы он сделал копии в виде рисунков и фотографий [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Д. 5. Л. 28].

В Музее Города был сформирован отдел Коммунальной и социальной гигиены, в который поступил Атлас водоснабжения Москвы с чертежами и фотографиями, аналогичные материалы поступили из Харькова [Попова 1998: 83]. Сотрудники занимались научно-исследовательской работой. Заведующий отделом З.Г. Френкель опубликовал книгу «Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство» [Френкель 1923]. Тема крайне актуальная, учитывая, что город пережил один из самых сложных периодов в своей истории, во многом сопоставимый с блокадой Ленинграда. Еще в на-

чале 1920-х годов многие помещения не отапливались, в том числе и Аничков дворец, отопление которого было восстановлено только в 1922 г. [Попова 1998: 62]. В этом же году при Музее города были открыты краткие курсы по коммунальному хозяйству, легшие в основу Техникума коммунального хозяйства [Попова 1998: 68].

Всего в Музее города было семь отделов, а фактически самостоятельных музеев. Одним из них был отдел «Искусство в жизни города», сформированный на основе Сервизного корпуса и *исторических комнат* — личных покоев императора Александра III и императрицы Марии Федоровны, а также собственного музея Александра III [Аксельрод 1996: 118]. Именно с историческими комнатами и связаны интересующие нас предметы; чтобы понять, как они попали в Музей Города, нужно обратиться к дореволюционной истории Собственного Его Императорского Величества (Аничкова) дворца.

Отправной точкой, которой является 1817 г., когда выкупленный Удельным ведомством дворец был пожалован великому князю Николаю Павловичу и превратился в резиденцию «малого двора», тогда же он получил второе название — Собственный дворец [Аксельрод 1996: 16, 18]. В 1865 г. усадьба была назначена наследнику престола великому князю Николаю Александровичу, который был помолвлен с датской принцессой Дагмар. После неожиданной и скоростижной смерти Николая Александровича дворец, а позднее и невеста отошли новому наследнику русского престола великому князю Александру Александровичу, женившемуся в 1866 г. на принцессе Дагмар, получившей после принятия православия имя Мария Федоровна. Молодожены поселились в Аничковом дворце, который стал их домом на многие годы. В 1870–1871 гг. во дворце было обустроено помещение для личного музея наследника-цесаревича Александра Александровича. В этот музей поступали картины, различные редкости и предметы декоративно-прикладного искусства [Попова 1998: 13–14]. Став императором, Александр III продолжил жить в Аничковом дворце и Гатчине, бывая в Зимнем дворце лишь по

необходимости [Аксельрод 1996: 82]. В этом дворце прошли детство и юность Николая II. Здесь родился младший сын Александра III великий князь Михаил Александрович, жили до замужества уже упоминавшиеся нами неоднократно великие княжны Ксения Александровна и Ольга Александровна.

После смерти Александра III хозяйкой дворца стала вдовствующая императрица Мария Федоровна, обладавшая большим влиянием на своего сына Николая II. Сохранил свое значение и Аничков дворец, в котором давались балы и проводились приемы. 9 февраля 1914 г. в Собственном Его Величества Аничкова дворца церкви состоялось венчание дочери Ксении Александровны и Александра Михайловича великой княжны Ирины Александровны и князя Юсупова [Аксельрод 1996: 110].

Что немаловажно, Музей Александра III в Аничковом дворце не только сохранялся стараниями Марии Федоровны все это время, но и пополнялся дарами, поднесенными вдовствующей императрице.

Пережил Музей Александра III и революцию, став частью Музея Города. В 1918 г. при участии Петра Николаевича Шеффера (до Октября управляющего конторами великих князей Александра Михайловича и Георгия Михайловича) был восстановлен кабинет Александра III. Ситуация вокруг императорских комнат дворца стала меняться во второй половине 1920-х годов.

В 1928 г. в Музее Города начала работать комиссия рабоче-крестьянской инспекции Ленсовета, которая пришла к выводу, что музей является не музеем, а хранилищем царского и дворянского имущества, которое оберегают «бывшие», 95 % сотрудников имели дворянское происхождение [Минкина 2005: 151–152]. А ведь в 1918–1920 гг. в этом музее работала уже упоминавшаяся М.Д. Врангель — мать знаменитого белого генерала.

Были уволены хранители отдела «Старый Петербург» Е. Михайлова и Г. Султанов — сын известного архитектора Н.В. Султанова, построившего домовую церковь во дворце Ксении Александровны и Александра Михайловича. Если не было «дворянско-интеллигентского» происхождения, то многие сотруд-

ники работали еще при старых владельцах. Так, Н.К. Акулов до революции служил вахтером в Аничковом дворце, а его дочь — крестница императрицы Марии Федоровны. В 1928 г. Н.К. Акулов уволен [Попова 1998: 38–39]. В этом же году своего поста лишился и директор Л.А. Ильин [Попова 1988: 122]. Любопытно, что в 1921 г., когда Л.А. Ильин возглавил Архитектурную секцию при Музейном фонде, Акулов также был принят на жалование в эту организацию.

В самом Музее Города в 1928 г. началась ликвидация исторических комнат Аничкова дворца [Аксельрод 1996: 120–121]. 6 февраля 1928 г. экспертная комиссия под председательством Д.М. Максимова, осмотрев предметы Сервизной кладовой Аничкова дворца, разделила их на пять групп:

«1/ Предметы, представляющие научно-художественное значение для Гос. Эрмитажа;

2/ Предметы того же значения для Гос. Музея Фарфора /Москва/;

3/ Предметы того же значения для Госуд. Русского Музея;

4/ Предметы, представляющие научно-художественное значение для Музейного Фонда (видимо предназначенные на продажу, Музейный фонд сам находился в состоянии ликвидации. — Д.И.);

5/ Предметы, не имеющие музейного значения (стандартная предпродажная формулировка. — Д.И.)» [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 213. Л. 54]. Также в Сервизной кладовой были отобраны предметы для Оружейной палаты Московского Кремля [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 213. Л. 58].

Учитывая, что сам Музейный фонд готовился к большой распродаже, раритеты из Аничкова дворца в нем даже не регистрировались, а распределялись на музейные экспонаты для передачи в другие музеи и на «не имеющий музейной ценности» экспортный товар. Товарищ Капман в своем последнем отчете записала: «Имущество, вывезенное из исторических комнат, не прошло,

ввиду неимения времени, через инвентарь Музейного Фонда и принято и выдается непосредственно по инвентарным книгам Аничкова Дворца, поступившим в распоряжение Музейного Фонда» [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 303 об.]. Это подтверждается сохранившимися на некоторых экспонатах МАЭ «старыми» номерами, которые соответствуют не инвентарным книгам Музейного фонда, а номерам Музея Города и Музея Александра III. Всего через Музейный фонд прошло, таким образом, 10846 предметов [ЦГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а. Л. 306 об.].

Этнографические предметы из Исторических комнат бывшего Аничкова дворца первоначально предназначались для Этнографического отдела Государственного Русского музея⁹³, но «ввиду совпадения заявок на некоторые предметы с Музеем Антропологии и Этнографии при Академии Наук С.С.С.Р.» комиссия в составе А.Н. Глухова, М.П. Лавровой и Г.А. Пидотти пересмотрела первоначальный отбор [АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95].

Таким образом, в Музей антропологии и этнографии поступило большое количество азиатских и африканских экспонатов.

«Акт № 20

25/V[19]28.

25 мая 1928 г. составлен настоящий акт в том, что из Лен. Гос. Муз. Фонда выданы Музею Антропологии и этнографии при Академии наук через его представителя Г.О. Монзелера /удостоверение от 25/V-28 № 1417/ Нижеследующие предметы:

Основание:

Отношение Управл.
Уполномоч. НКП от 16/V-28г.
с резолюцией Зав.
Ленингр. Госуд. Музейн.
Фондом Д.М. Максимовым
от 16/ V-[19]28 года» [АГЭ .Ф. 4.Оп. 1. Д. 225. Л. 28].

⁹³ В наст. время Российский этнографический музей.

Далее идет очень длинный список вещей, из которого мы приведем лишь отдельные фрагменты, по которым можно выделить несколько основных региональных групп предметов: японские, китайские, африканские, турецкие и среднеазиатские экспонаты, а также раритеты с островов Океании и медный кельт⁹⁴ из археологических раскопок.

В Отделе учета Музея антропологии и этнографии также имеется акт о передаче экспонатов из Государственного музейного фонда, похожий по содержанию, но не аналогичный акту из архива Эрмитажа. Описание предметов в нем гораздо более скудные, зато в графе «Откуда» указаны либо «Муз. А III», либо «Личн. комн.».

В Музее антропологии и этнографии в 1928 г. эти экспонаты были разбиты на несколько коллекций, поступивших 25 мая 1928 г., т. е. в тот же день, когда был составлен акт о передаче вещей из Музейного фонда.

К японским относятся нэцкэ. Японские нэцкэ составили коллекции № 3680, 3681 и 3699, последняя была зарегистрирована позднее — 15 июня 1928 г.» (Опись коллекции № 3699, титульный лист)⁹⁵.

К китайским — статуэтки и одежда. Причем про один из халатов сказано: «Халат китайский, желтый, императорский, шитый золотом и цветными шелками. Дл. 2 арш. Инвент. № 2947» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 28]. На этом халате, имеющем в настоящее время № 3682-1, сохранилась бирка — «МУЗЕЙ ГОРОДА. Историч. помещ. Аничк. дворца», на обороте «О 2947/И» (рис. 21). На этом предмете сохранилась и еще одна этикетка «№ 276». Необходимо отметить, что это женский халат, имеющий скорее персиковый цвет (рис. 22).

⁹⁴ Разновидность бронзового топора.

⁹⁵ Ю.В. Ионова в работе, посвященной японским нэцкэ, указала, что в составе этих коллекций имеются работы известных японских резчиков XVIII–XIX вв. (Хидэмаса, XVIII в.; Сюгёку, кон. XVIII — нач. XIX в.; Наохиде, XIX в.; Нагацугу, XIX в.) [Ионова 1966: 200, 207, 218, 220–221].

Про многочисленные среднеазиатские вещи сказано, что это дары Эмира Бухарского [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 29–30]. На трех бухарских экспонатах, хранящихся в МАЭ в составе коллекции № 3687, сохранились бирки «ея величеству императрице Марии Федоровне» [Прищепова 2000: 108]. Примечания к списку, хранящемуся в архиве Эрмитажа, позволяют установить точные даты даров 1874, 1906, 1910 и 1911 года [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 29–30].

Буддийская скульптура богини Лха-мо⁹⁶ сформировала монгольскую коллекцию №3 698 (Опись коллекции № 3698). На этом экспонате сохранилась круглая, металлическая, подвешенная на проволочке бирка Музея Александра III (рис.23, 24). Монгольский боевой лук — коллекцию № 3697 (Опись коллекции № 3697).

Бамбуковое копьё, лук и стрелы из Океании были зарегистрированы в МАЭ в коллекции № 3691.

Из африканских вещей была создана коллекция № 3684, про которую в описи сказано, что она поступила из Аничкова дворца через Музейный фонд (Опись коллекции № 3684, титульный лист). При этом в списках Музейного фонда про некоторые экспонаты указана довольно интересная информация: «Головной убор черного бархата Абиссинского *Негуса* (императора Эфиопии)⁹⁷. — Д.И.) со сканными украшениями. Выс. 17 ½ см. Инвент.

⁹⁶ Единственное женское божество, которое относится к классу дхармапал. Лха-мо является покровительницей Далай-лам и Панчен-лам [Gordon 1959: 34]. По легенде, Лха-мо была супругой царя демонов на Цейлоне. Она дала клятву либо обратить в буддизм царский род, либо истребить его. Потерпев неудачу на миссионерском поприще, она убила сына, выпила его кровь и съела его плоть. Когда она спасалась бегством, сидя верхом на муле, царь, стреляя в нее из лука, попал стрелой в бедро мула. Лха-мо, вынимая стрелу, сказала: «Рана моего мула может стать глазом достаточным, чтобы видеть 24 региона, и я могу уничтожить род царя Цейлона» [Gordon 1959: 58].

⁹⁷ До середины XX в. Эфиопия в европейской литературе называется Абиссиния. Негус — титул императора Эфиопии до свержения монархии в 1975 г.

№ 660», «Одежда верхняя Абиссинского Негуса, бархатная украшенн. шитьем и бляшками. Инвент. № 662» [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 28], «Сабля Абиссинского Негуса, ножны бархатные, рукоятка роговая. Дл. 1 м 5 см. Инвент. № 663», «Щит Абиссинского Негуса, покрытый черным бархатом со сканными украшениями. Диам. 51 см. Инвент. № 661» и две пики [АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 225. Л. 28 об.] (рис. 25).

Из турецкой одежды в Музее антропологии и этнографии была сформирована коллекция № 3853.

Видимо, тотальной распродажей памятников искусства из Аничкова дворца можно объяснить отсутствие многих страниц в дореволюционных описях имущества этого дворца, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. На последней странице «Описи скульптурным и другим вещам, находящимся в собственном Его Величества дворце» начальником управления Собственным (Аничковым) дворцом генерал-майором Д.А. Озеровым⁹⁸ 12 ноября 1903 г. записано: «Итого въ сей книгѣ пронумерованныхъ, прошнурованныхъ и казенной печатью скрепленныхъ двѣсти (200) листовъ» [РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 522. Л. 18 об.]. Однако на сегодняшний день в данной книге только 18 листов. Все листы с 16 по 198 были аккуратно вырезаны [РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 522]! Не хватает листов также в «Описи бронзовым, мельхиоровымъ и проч. вещам» [РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 521]. **Мы не знаем, когда были вырезаны листы из инвентарных книг,** можно только сказать, что согласно записям на последних страницах эти документы проверялись архивариусами в 1931 г. [РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 522. Л. 18 об.; РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 521. Л. 74 об.].

К счастью, помимо оскопленных дореволюционных списков, находящихся в РГИА, в Центральном государственном архиве литературы и искусств в фонде Музея Города имеется опись

⁹⁸ Давид Александрович Озеров в 1899–1912 гг. — исполняющий обязанности начальника и начальник Управления Собственного Его Императорского Величества Аничкова дворца [Фирсов 2003: 231].

некоторых залов дворца, в том числе помещений Музея Александра III, составленная в 1919 г., по всей видимости, при участии Александра Бенуа, а в Отделе Истории русской культуры Эрмитажа хранится «Опись исторических помещений Аничкова Дворца» 1922 г. [ОИРК ГЭ Музей города]⁹⁹.

Если обратиться к описи из ЦГАЛИ, мы можем найти в ней некоторые из представленных в Музее антропологии и этнографии экспонаты с указанием их положения во дворце на 5 июня 1919 г., фактически соответствующего дореволюционному. Так, нэцкэ из дерева «Мальчик, катящий снежный шар» (рис. 26), а также нэцкэ из слоновой кости «Спрут, обвивший женщину» (рис. 27), «Скульпторы, выкалывающие фигуры демонов в храмах Нара» (рис. 28), «Бог дождя» (рис. 29) находились в витринах во второй комнате второго этажа, выходящей окнами на Невский проспект, в правом углу [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46. Л. 61, 61 об., 86 об.]. А китайские статуэтки — справа от ларца, на дубовом шкафу, в той же комнате [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46. Л. 44 об.]. Две абиссинские пики упоминаются в «Дополнительной описи предметов искусства и редкостей, составляющих собрание Александра III» [ЦГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. Д. 46. Л. 80].

История поступления этих экспонатов в Аничков дворец требует отдельного исследования. Относительно подарков эмира бухарского Марии Федоровне все ясно. Африканские предметы можно с большой вероятностью связать с довольно многочисленными эфиопскими посольствами конца XIX — начала XX в. А вот китайские и японские предметы могли быть как преподнесенными в дар послами или японскими принцами, регулярно посещавшими Петербург, так и подарками побывавших в Китае и Японии великих князей. Еще любопытней происхождение коллекции из Океании. Это может быть дар большого мореплавателя и частого гостя Аничкова дворца великого князя Александра

⁹⁹ Мы хотели бы выразить благодарность Главному хранителю отдела истории русской культуры ГЭ Ирине Михайловне Захаровой, подготовившей для нас материалы из этой описи.

Михайловича, но надо также учитывать, что в 1886 г. известный русский исследователь Океании Н.Н. Миклухо-Маклай встретался в Ливадийском дворце с Александром III, а после его смерти в Гатчине императрица Мария Федоровна принимала вдову путешественника Маргарет Миклухо-Маклай. Такие встречи редко проходили без даров.

Экспонаты, поступившие в Музей антропологии и этнографии из Аничкова дворца, стали последними предметами, появление которых в МАЭ связано с Музейным фондом — одной из самых противоречивых музейных структур, история которой во многом отражает в целом историю России в первое послереволюционное десятилетие.